

The background of the cover is a detailed illustration. It features a young man with dark, wavy hair and a young woman with long, flowing blonde hair and striking blue eyes. The man is shown in profile, looking down at the woman, with his hand gently resting on her head. The woman looks directly at the viewer with a calm expression. They are set against a backdrop of a snowy mountain range under a twilight sky. A large eagle is depicted in flight in the upper left corner. The entire scene is covered in a fine layer of falling snow, creating a magical and wintry atmosphere.

Екатерина Елгина

Королева

Любовь через проклятья

Екатерина Ёлгина
Королевна
Серия «Любовь сквозь
проклятья», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68733966

SelfPub; 2024

Аннотация

Ромэну, конечно, повезло: он встретил любимую девушку, ту единственную, ради которой стоит совершать подвиги и слагать песни. Только есть небольшая сложность – она заперта в другом незримом мире. И еще маленькая проблема – без необычного сокола до этого мира никак не добраться. Ну и совсем сущий пустяк – её проклял мерзавец-чародей. Но молодой лорд не намерен опускать руки, ведь у него есть особый дар и необычные друзья. Первая книга из трилогии.

Содержание

Часть I. Дорога сна	6
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	74
Глава 8	82
Глава 9	96
Глава 10	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Екатерина Ёлгина

Королевна

Плейлист

ПО МОТИВАМ КНИГИ

гр. «Мельница» – «Королевна»

Павел Пламенев – «Девушка, крадущая сны»

гр. «Мельница» – «Дорога сна»

гр. «Мельница» – «Дракон»

3 Doors Down – «She is love»

гр. «Мельница» – «Ведьма»

гр. «Мельница» – «Оборотень»

гр. «Мельница» – «Рапунцель»

гр. «Мельница» – «Воин Вереска»

Evanescence – «Your star»

гр. «Мельница» – «А если бы он»

«О тебе, моя радость, я мечтал ночами,

но ты печали плащом одета,

Я, конечно, ещё спою на прощанье,

но покину твой дом...

Но покину твой дом... но покину твой дом

я с лучом рассвета»

гр. Мельница – «Королева»

Часть I. Дорога сна

Пролог

Однажды Ромэн выбрал новый путь для ночного путешествия: сокол поднялся на такую небывалую высоту, что казалось, ещё чуть-чуть – и он заденет крыльями звёзды. Огромная вселенная открылась перед обоими: там царила всепоглощающая тьма и свобода, холодная неестественная красота неподвластных небесных светил. Восторг и волнение охватили душу юноши, смотревшего на мир глазами птицы. Затем внимание Ромэна привлекла далёкая мерцающая точка, и он полетел на загадочный огонёк.

Тьма рассеивалась возле парящего в небе купола: именно оттуда бил яркий свет. Там он увидел девушку. На вид юноша дал ей не больше двадцати лет: высокая, стройная, голубоглазая, со светлыми волнистыми волосами – необычайно красивая, она показалась ему пределом совершенства, в ней всё казалось гармоничным и идеальным. Незнакомка сидела на скамье посреди большой поляны, озарённая лучами солнца, и плела венок из полевых цветов, тонкими проворными пальчиками быстро-быстро протаскивая стебли в плетение, напевая при этом тихую песню.

Ромэн приземлился соколом на ветку ближайшего дерева и внимательно следил за знакомкой: он не мог отвести

глаз, красавица словно околдовала его. Девушка заметила соколиный взгляд и улыбнулась.

– Здравствуй, дружок. Ты не здешний, соколы у нас не водятся.

Птица чуть задёргала крыльями.

– Не прячься внутри, дружок, я же знаю, что ты – человек.

Сокол мгновенно взвился в небо и улетел прочь сквозь парящие облака в темноте.

Ромэн подскочил на кровати посреди глубокой ночи, пот заливал лицо, а тело сотрясала мелкая дрожь волнения. Глотнув воды из стакана на круглом столике, он подошёл к окну, куда едва дотягивался лунный свет.

«Как она могла узнать, что я – не просто птица? Может это совпадение, может она так со всеми птицами общается? Ненормальная...»

Вернувшись в кровать, остаток ночи юноша крутился и всё пытался уснуть. На рассвете, прихватив кожаный футляр, он пришёл к соколу в птичник, пернатый друг ещё спал.

– Ну ничего, Эрмон, мы с тобой выясним это... Думаешь, я зря волнуюсь? Спасибо, друг, только ты меня можешь понять...

Ромэн устроился поудобнее у клетки, чтобы достать из футляра лютню, и, привычно перебирая струны, затянул песню о далёких странах, которые он повидал глазами сокола. Юноше на миг показалось, что незнакомка, где-то там,

в неизведанном мире, разбуженная звуком его голоса, резко распахнула глаза.

Глава 1

Юноша был долгожданным и единственным сыном у четы Диам, леди Плэмери и лорда Кордиса. Они переехали поближе к столице Королевства Ронтон и отличались внешним видом от местных жителей смуглой кожей и темными волосами, крепким телосложением и высоким ростом, как все выходцы из Восточных земель – залива Джордиса. В тридцать лет леди Плэмери родила сына, успокоив небезосновательные переживания мужа, которому тогда было уже пятьдесят.

Мальчик взял лучшее от матери, которая была очень хороша собой: смуглая кожа, приветливый взгляд больших зеленых глаз, блестящие густые черные волосы, точеные скулы, подбородок с ямочкой.

Ромэн, так звали мальчика, обнаружил в себе способность перемещаться сознанием на любые расстояния, пока физическое тело «спит». Засыпая, он не видел сны, как все люди, а путешествовал по свету. Проснувшись, Ромэн все помнил и поначалу не понимал, что происходило и как это возможно. Именно в тот период, когда ему было не больше девяти лет, он стал увлекаться книгами, пытаясь разобраться в себе. Он легко находил на картах других стран места, где бывал во сне; видел, какие там живут люди и иногда заставал события в самом разгаре: начало войны, массовые восстания, болезни, праздники... о которых узнавали дома лишь спустя

недели или месяцы. Но он никому не говорил о своем даре, не пугал родных – в их семье, да и вообще кругом было не принято упоминать обо всем, что связано с миром магии.

Ромэн упивался своими открытиями, наслаждался ощущением свободы и собственной уникальности. Учителя, призванные в замок для обучения мальчика, выявляли у него блестящие способности к наукам и поражались, как точно и исчерпывающе отвечал он на всевозможные вопросы. Будто сам посетил неведомые земли, или знал, как правильно произносить слова на разных языках, или мог рассказать об обычаях и быте незнакомых даже учителям жителей далеких стран.

Он знал это наверняка, не полагаясь на книжные заметки, – на самом деле он читал не так уж и много.

К девятнадцати годам Ромэн вырос высоким и могучим: глядя на его внушительный рост и широкий разворот плеч, мало кто мог представить, что совсем недавно Ромэн был щуплым мальчуганом. И на день рождения лорд Кордис подарил сыну сокола.

В первую же ночь, когда хищник находился рядом с замком, в птичнике, Ромэн уснул и тут же воспарил над миром, но в виде птицы. Летал ли в действительности сокол, или это была лишь проекция сознания юноши – не знал никто, только теперь молодой лорд чувствовал небывалую силу и связь с питомцем. Но по утрам, первым делом, Ромэн бежал в птичник и проверял, на месте ли крылатый друг. Сокол оставался

в большой клетке, запёртый на ключ, но по его поведению стало ясно, что по утрам он всегда был измотан. Ромэн жалел пернатого друга и не заставлял выполнять команды днём: велел изготовить кожаный кlobучок и надевал на несколько часов, чтобы сокол мог как следует отдохнуть. А ещё юноша приносил еду и сидел рядом с птичником, напевая песни о далёких странах.

И только по ночам они летали.

Но прошёл ещё год, и радость отца угасала по мере взросления и самоопределения отпрыска: вместо подвигов и сражений сын избрал путь музыканта, философа и натуралиста. Он запросто мог размозжить череп своему сверстнику одним ударом, но никогда не пытался специально завязать драку и часто избегал соседских мальчишек. Ромэн не был трусом, нет, он больше боялся причинить вред другому, чем пострадать сам. К двадцати годам он стал на голову выше любого долговязого юноши в пределах южной части страны.

Отец едва смирился с выбором увлечений единственного сына, но теперь стал переживать о будущем: пусть читает книги, поёт песни, но отчего же парень не интересуется девушками, не мечтает о невесте? Проводимые турниры и званые обеды, балы, мелкие интриги – всё это, несомненно, привлекало чету Диам, и возле Ромэна часто крутились молоденькие красавицы, не оставляя юношу без внимания. Сколько отец не пытался навязать ему привычные развлечения – девушек, охоту, состязания – сын проводил больше

времени с друзьями, гуляя по лесам, либо в одиночестве слагал баллады, покоряя на очередном приёме и без того разбитые девичьи сердца. Вскоре стало ясно: сын не желал завязывать близкие отношения.

Мать не разделяла нетерпение мужа в этом вопросе: она слишком любила и ревновала сына к женщинам, мужчинам, ко всему миру, особенно, если её не было рядом. Даже к соколу, с которым сын проводил слишком много времени.

Отец вскоре тоже стал ворчать, что не дело держать дикую птицу в клетке сутки напролёт – пусть летает и учится охотиться, иначе он вынужден будет отдать сокола в другой замок, на потеху младшим соседским детям.

Ромэн не стал спорить с отцом: юноша начал дрессировать птицу ровно два часа в день, и старик успокоился.

РОМЭН

* * *

Вот уже второй месяц из восьми, ночи стали похожи одна на другую: сокол летал теперь в определенное место, прочий огромный мир вмиг стал ему неинтересен. Ромэн неизмен-

но находил девушку, была ли она в саду, в своих роскошных покоях либо в лесу, занимаясь хозяйскими делами. Как узнал юноша спустя время, незнакомка жила лишь с двумя служанками, вместе с которыми делала всю работу: готовила еду, подметала полы, стирала одежду, вышивала картины, колола дрова – она не гнушалась любой работы. Но при этом всегда выглядела спокойной и величавой. Наряды её были краше, чем у придворных дам, которых на многочисленных балах видел Ромэн, покои блистали вкраплениями драгоценных камней, питалась она вместе со служанками разнообразной пищей, но, как заметил потом юноша, незнакомка никогда не ела птичьего мяса.

Сокол наблюдал издалека, он пока опасался подлетать слишком близко, как в первый день. Хотел изучить её. Но возвращаясь в своё тело поутру, Ромэн всё никак не мог понять: она живёт в неизвестном одиноком месте, в лесу, всего лишь с двумя помощницами – такой же молодой девицей да старухой, выглядит королевой, но работает как служанка.

Откуда такая роскошь? Кто она?

Спустя многие недели терзаний, когда парень захотел наконец узнать её имя, он решился подлететь близко нынешней ночью.

Перед сном юный лорд тщательно вымылся, оделся не в спальный костюм, а в любимый камзол, который отличался от прочих одеяний сдержанностью и отсутствием фамильных знаков, драгоценностей и прочей мишуры, лишь одна

вышитая роза на груди, нежная и неприметная, хотя знал, что незнакомка не сможет оценить его старания. Этот наряд матушка называла «камзол конюха», а отец всегда добавлял, что у конюха и то найдётся краше. Обрядившись в наряд, он уснул мгновенно, как всегда, лишь стрелка часов указала на полночь.

* * *

Полночь, тишина и тьма. Луна скрылась за облаками, каждый шорох звучал громче и слегка пугающе.

Матушке Ромэна, леди Плэмери, сегодня не спалось. Будить прислугу ради кружки молока с мёдом, от которой она всегда успокаивалась и быстрее засыпала, казалось нелепым.

Она была отнюдь не из тех, кто визжит от вида пробегающей крысы, но даже ей отчего-то стало тревожно в этот час. Лорд Кордис, уже совсем старик, спал крепким сном, не зная, что супруга отправилась бродить по замку в одиночестве с канделябром в руках. Кухня находилась далеко от их покоев, чтобы ранний утренний шум и запах приготавливаемой пищи не будил хозяев.

Женщина решила обойти внутреннюю галерею снаружи, по балкону, и вскоре наткнулась на птичник. Сон совершенно пропал от ночного прохладного воздуха, молока она уже не хотела, ей стало любопытно посмотреть на любимца сына.

Птицы не оказалось на месте. Сердце матери всколыхну-

лось – неужели пропал? Сын будет в ярости и тоске... Но внутри птичника просторная клетка была, как и прежде, надежно заперта ключом.

– Что такое? Неужто сам Ромэн выпустил его в ночь?..

Быстрым шагом леди Плэмери приблизилась к покоям сына, открыла дверь и обомлела: сына тоже не было на месте, лишь над его кроватью струился серебристый свет.

* * *

Сокол мчался сквозь пространство, рассекая мощными крылами ледяную гладь небес. Там, где жила девушка, по-прежнему царил яркий день. Красавица стояла у открытого окна, в покоях, неспешно расчесывая длинные светлые волосы. Сокол приземлился на высокий куст, что рос за окном. Даже если бы птица могла, то едва ли отобразила бы шквал эмоций, обуревавший в данный момент юношу: он восхищался ею, был заворочен, боялся ее, желал и тут же злился на себя и на красавицу...

Он был влюблен.

Незнакомка заметила трепетание крыльев и выглянула в окно. Увидев сокола, она приветливо улыбнулась и тихо прошептала:

– Здравствуй, дружок.

Он осторожно кивнул и прыгнул на ближнюю к окну вет-

ку.

– Ты всё же решился? – спросила она, не тая улыбки.

Ромэн взмахнул крыльями, расправляя их. Вид у птицы был гордый и независимый.

– Две луны ты наблюдал за мной, я видела. Почему же сегодня приблизился?

Сокол опустил голову низко, как бы кланяясь, и некоторое время не смел поднять взгляд. Девушка стояла так близко, её окутывал аромат нежных цветов, что росли в саду, кожа светилась в лучах солнца, и Ромэну казалось, будто она сама превратилась в цветок.

– Слушай, это нечестно: я говорю, а ты – нет. Хватит прятаться, дружок.

И незнакомка взмахнула рукой, широкий длинный рукав её небесного платья слегка накрыл сидящую рядом птицу, затем послышался грохот и лёгкий стон: «Ай!.. ой».

Под окном, прямо на колючем кусте, лежал Ромэн, нагой, исцарапанный шипами красных роз. Он попытался вскочить и убежать, но крепко запутался в сплетённых ветвях. Девушка уже спустилась, обошла кругом цветущий садик и приблизилась к кусту. Ромэн успел дотянуться рукой до крупного листа какого-то растения, сорвать его и прикрыться.

Хозяйка дома звонко расхохоталась, а юноша смутился пуще прежнего.

Вот тебе и нарядный камзол!

– Ладно, давай помогу, да не брыкайся, а то поцарапаешь-

ся.

Тонкие пальцы за секунду распутали ветки, и юноша резко покатился по земле. Когда он поднялся, распрямившись во весь рост, красавица перестала беспечно смеяться.

— Как тебя зовут?

— Ро...мэн. Ромэн из рода Диам.

— Как ты нашёл меня? И зачем?

Юноша обезоруживающе улыбнулся:

— Я не знаю. Мой сокол однажды нашёл тебя...

— А разве ты не сокол?

— Я же человек...

— Твоя птица — это и в самом деле птица?

Ромэн кивнул. Красавица задумалась.

— Знаешь, я решила, что ты оборотень.

— Кто?

— Ты не знаешь, кто такие оборотни? Ты кто вообще?

— Ну... лорд. Сын лорда. А ты?

Девушка не ответила, внимательно всматриваясь в его лицо.

— Ты не маг? Ты даже не знаешь, что такое твоя сила...

Ромэн кивнул.

— Я не знаю. С девяти лет я начал путешествовать во сне, но держал это в секрете. Нельзя говорить об этом, ты ведь понимаешь. Даже когда у меня появился сокол, я так и не выяснил, как это происходит...

Выговорившись, юноше стало легче, ведь ни одна чело-

веческая душа не знала о том, какие тайны он хранит уже столько лет.

Незнакомка развернулась и зашагала прочь, за дом. Ромэн постоял какое-то время в одиночестве, всё ещё прикрываясь листом, затем осторожно зашагал вслед за девицей. На углу они столкнулись. Девушка протянула гостью светлый мужской костюм, напоминающий нечто среднее между спальным и прогулочным.

– Надень.

– Это мне? Спасибо...

Хозяйка отвернулась, позволяя гостью наскоро натянуть одежду.

– А... как тебя зовут?

– Ая.

– Ая? – Он был поражён. Ей подходило более благородное имя, звучное и яркое, как Кейтилин или Эмануэлла.

– Но... ты, мне кажется, из знатного дома? Ты дочь лорда?

Ая рассмеялась.

– Нет, всё гораздо проще: я – Королевна.

– Как королевна? – тупо повторил он. – Королева этих земель?

– Королевна этого мира.

Ромэн не поверил. Это невозможно, нет такого титула!

– Ну да, конечно, – усмехнулся он.

– Ты что, так и не понял? – Ая повернулась и коснулась нежной рукой его щеки, отчего у Ромэна мурашки побежали

по телу.

– Что не понял?

– Ты попал в другой мир. Здесь нет того, что есть в твоём, обычном мире.

– Это как?

– Я, правда, до сих пор не понимаю, как ты сюда долетел... видно, сокол у тебя и впрямь особенный...

Юноша оглянулся вокруг, но ничего необычного не заметил. В саду около его замка росли точно такие же деревья, кусты роз, ирисы, маргаритки и астры; даже речь Аи была понятна. Конечно, юноша ещё только собирался расспросить о том, как у девушки получилось так легко обратить его в человека, ведь он должен сейчас спать у себя в постели. Ведь и в родных Восточных землях есть колдуньи и маги, просто он никогда их не встречал.

– Ты колдунья?

Ая ничего не ответила, но в глазах появилась грусть. Ромэн сразу заметил эту перемену и осторожно спросил:

– Я обидел тебя? Прости, я правда не хотел, если это для тебя обидно... я никогда не встречал никого с такой... таким... даром.

Ая не поднимала взгляда.

– Я вообще раньше не встречал никого... прекрасней, чем ты... – Ромэн наконец сказал то, о чём думал последние два месяца. Красавица посмотрела на него недоверчиво, будто искала подвох, насмешку в словах или взгляде. Но юноша

был честен. Его сердце билось так часто, что слова оказались излишни.

Ромэн провёл в этом странном месте всего полчаса, как ему показалось, но на поляну уже опустился вечер с ярким разноцветным закатом.

Невесть откуда на сломанный куст под окном упало пёстрое перо сокола. Ая оглянулась и крикнула:

– Тебе пора!

Затем взмахнула длинным рукавом, и Ромэн вновь обернулся соколом, оставив воспоминания о себе лишь в виде вороха одежды на земле. Птица унеслась ввысь – она была свободна, и воля человека сейчас не довлела над ней. Ромэн отчаянно хотел остаться там, рядом с девушкой, но ничего не мог поделать – сокол нёс его домой.

Глава 2

Утром, в девять часов, семья Диам приступала к завтраку. Ромэн был сегодня сам не свой: ничего не ел, лишь ковырял вилкой в тарелке, не поддерживал непринуждённую беседу отца и матери о приближающейся осени, дважды опрокинул солонку и разлил напиток на белоснежную скатерть. Он размышлял совершенно о другом: на его теле не осталось ни одной царапинки от куста роз, будто ничего ночью и не произошло.

Наконец не выдержав, сын встал из-за стола и, извинившись перед леди и лордом, отправился в птичник. Мать проводила его долгим взглядом, а отец не заметил ничего необычного.

В птичнике слуги вычищали клетки и выскабливали половой настил. К соколу никто не был допущен, Ромэн сам всегда ухаживал за ним и сейчас, жестом приказав слугам удалиться, остался с другом наедине. Сокол не спал. Он тоже казался взволнованным.

– Ну и что это такое, Эрмон? – строго спросил лорд-наследник.

Птица сердито нахохлилась и повернулась к нему спиной.

– Я с тобой разговариваю!

Сокол упорно сидел на своём месте.

– Это ты сделал так, что мы улетели? – чуть мягче спросил

Ромэн. – Я не мог управлять тобой, мне это не понравилось.

Эрмон резко обернулся и сверкнул жёлтыми глазами.

– Ночью с тобой проще, – вздохнул юноша.

Сокол взвился с места и, насколько позволяла клетка, расправил мощные крылья.

– Эй, эй, спокойно, что такое? Ты хочешь полетать?

Ромэн отпер клетку, но вместо привычного ритуала, – когда сокол садился на перчатку юноши, и они выходили в сад, – сразу вырвался из плена и вихрем унёсся вдаль.

Юноша побежал следом, но Эрмон будто исчез, затерялся в бескрайних облаках.

Весь день Ромэн прождал его, избегая родителей, а также прибывших к вечеру званных гостей. Как ни старался отец, сын успевал ускользнуть от него и посланных за ним слуг, ведь на ужине присутствовали самые завидные и прекрасные невесты окрестностей. Такие вечера в последнее время давались нелегко каждому члену семьи. Отец желал знакомства с невестами и скорейшей помолвки, матушка придирчиво осматривала каждую из них, ревнуя и волнуясь за сына, а Ромэн пытался сбежать под любым предлогом, либо сидел скучным и равнодушным, отталкивая девиц отчужденностью.

В этот раз он убежал в ближайший маленький лесок, где невозможно заблудиться, но слуги не могли его найти. Поздним вечером, услышав, как от замка отъезжают кареты, Ромэн вернулся в свои покои, где его уже давно ждала мать.

– Ты пропустил ужин, дорогой, – спокойно сказала она, когда сын появился на пороге комнаты.

– Я... матушка, я, кажется... не здоров, – соврал он.

– Я так и сказала гостям и твоему отцу.

Ромэн топтался в дверях: он желал, чтобы родительница скорее покинула его спальню.

– Ромэн, мальчик мой, ответь мне: ты сегодня хорошо спал ночью?

Юноша слегка побледнел.

– В целом... в целом – неплохо.

Матушка внимательно посмотрела на него. Сын заметно нервничал.

– А твоя птица, сокол, тоже спит по ночам?

– Э... я не знаю, матушка, наверное, спит.

– Знаешь, я подумала, может, стоит выпускать его летать по ночам?

– Зачем это? – нахмурился сын.

Мать задавала странные вопросы, будто о чем-то догадывалась.

– Это же свободные птицы, понимаешь, хоть они и приручены к человеку.

– Матушка, я не понимаю – что ты хочешь мне сказать?

– Ты выпускал его сегодня ночью, ведь так?

– Я? Нет! – Но спустя секунду он подумал, что лучше сказать «да». Мать и вправду странно себя ведёт: за девять месяцев она никогда не спрашивала его о птице, о таких глупо-

стях – выходит, она что-то слышала или видела, вот только что?

– Значит, не ты выпускал сокола?

Ромэн нервно улыбнулся.

– А... сегодня, ты спросила про сегодня? Прости, я, наверное, не расслышал. Да, я выпускал его. На один только час. Очень уж он просил полетать...

Матушка довольно кивнула, и Ромэн слегка расслабился.

– Ну хорошо. А ты где был этот час?

Юноша снова замешкался, но его спас вернувшийся Эрмон: сокол громко и пронзительно крикнул у птичника, просясь внутрь. Ромэн сразу бросился к нему, оставив матушку без ответа.

Сокол прыгнул на перчатку к хозяину, в клюве у него что-то было.

– Ну и напугал же ты меня, дружище, больше не делай так, ладно?

В клюве оказался ароматный лепесток алой розы.

Но этого было достаточно, чтобы Ромэн понял: всё, что произошло ночью, реально. Ая – реальна. Сокол – не просто птица, он способен летать сквозь другие миры, если сказанное Королевой правда (в чём теперь не смел сомневаться юноша). Он, не стыдясь своих чувств, заплясал рядом с птичником, прижался щекой к прохладным перьям друга и едва не закричал о своём счастье.

– Но значит, это не ты сам улетел от неё ночью, – чуть

остыв, произнёс Ромэн, всматриваясь в жёлтые умные глаза птицы.

– Может, она сама прогнала нас прочь?.. Мы вернулись на рассвете, выходит, она знала, что нам пора? Хм, а что было бы, если б мы задержались ещё дольше?..

Но сокол лишь смотрел немигающим взглядом на своего хозяина и не мог ответить на вопросы, которые так терзали юношу.

Едва залетев в свою клетку и устроившись на любимом месте, сокол тут же уснул, мгновенно, не разбудив остальных обитателей птичника.

– Устал, бедняга, – прошептал юноша, прижимая к сердцу лепесток. Закрыв дверцу, он внимательно исследовал замки и ключи, запоры находились на месте. Но ему придётся ответить на вопрос матери, она неспроста спрашивала. А это говорит о том, что...

– Значит, нас не было дома, – вслух произнёс Ромэн.

Тем временем леди Плэмери, подождав сына десять минут, отправилась в свою комнату. Сокол не давал ей покоя. Ведь пока он не появился в их жизни, сын вёл себя прекрасно: всегда общительный и вежливый, он не убегал от гостей, не прятался, не лгал и не юлил. Что-то происходило с ним, и связано это с птицей. Но мать не могла ни с кем поделиться своими опасениями. Муж давно не в счёт: старик, последнее время недовольный и брюзжащий, помешался на идее

заключения выгодного брака для сына и рождения внуков. Около одиннадцати вечера, женщина, уложив лорда спать, быстро переоделась в дорожный костюм, набросила капюшон плаща на голову и вышла из замка, оставшись никем не замеченной.

* * *

Ещё днём леди Плэмери спланировала эту ночную вылазку, доверившись одной надёжной служанке, которую знала с малых лет. Та обещала отвести хозяйку к ведуну. Сама служанка боялась идти к нему, ведь он жил за небольшим леском, в дряхлой лачуге, был пьяницей и дебоширом и, по слухам от других слуг, однажды в пьяном угаре убил свою жену, зажарил в печи и съел. Леди Плэмери строго отругала за эти сплетни Милору – так звали старушку – нечего выдумывать, это глупости и сказки, лишь бы отпугнуть детей, чтобы не шлялись рядом.

К ведовству сама леди относилась осторожно, ведь в нынешнее время было не принято якшаться с представителями магического сообщества: все они считались прислужниками дьявола, почти что нечистью, и в высших светских кругах об этом не говорили. Леди Плэмери, на самом деле, не была против, но и не стремилась злоупотребить общением с кем-то из Тех. Как и все дамы её круга, при случайном упо-

минании этой деликатной темы, она делала испуганное лицо и требовала с благоговейным ужасом в голосе немедленно прекратить опасные и позорные речи. Никто не знал: не в первый раз она обращалась к колдунье, к ведуну и даже встречала мага. По её мнению, именно слепая ведьма даровала ей сына, когда она уже отчаялась стать матерью.

Сейчас леди надеялась на провидение: может, ведун раскроет, что за птица этот сокол, вмещалась ли тут чья-то грязная магия и содержит ли она в себе опасность для их семейства.

– Далеко ещё, Милора? – шёпотом спросила она, пробираясь через кусты и деревья.

– Ох, дорогая Плэм, не ходила бы ты туда, негоже леди...
– запричитала старушка.

– Замолчи, Милора, я спросила тебя: далеко ещё?

– Да вот за теми деревьями, уже скоро. Только в избу я не зайду, прости ты меня, но ни за какие брильянты не пойду, хоть зарежь меня, но не пойду, никак не пойду...

– Тише ты, квохчешь, как курица. Будешь около стоять.

Лес закончился, обнажая заросшую поляну, где в тени сухих зарослей и гнилых деревьев спряталась избушка ведуна.

Леди постучала громко три раза, ей ответил вдалеке волчий вой. Милора, если б не была уже седой – поседела бы в одну секунду. Она хотела что-то сказать леди Плэмери, но та погрозила служанке кулаком. Женщина снова постучала. Через минуту дверь распахнулась, едва не пришибив обеих.

– Чего надо? – На пороге стоял мужчина, с напрочь пропитым и заросшим бородой лицом, в грязном нижнем белье, в руке он держал большую ржавую кружку.

– Доброй ночи, э... сэр. Прошу прощения за вторжение, но я должна была прийти.

Леди Плэмери держалась уверенно и спокойно, по крайней мере, внешне.

– Ты ещё кто? Ик!..

– Я ...я лишь хочу помощи...

– Чего надо? – Снова повторил ведун, неприятно причмокивая из кружки. Милора вжалась в стену за дверью, насколько позволяла её пышная фигура, и буквально оцепенела.

– Я хочу, чтобы вы помогли мне в одном, ну, скажем, вопросе.

– Я?

Женщина кивнула. Мужик задумчиво почесал лысеющую голову и жестом пригласил внутрь. Когда леди вошла в лачугу, дверь захлопнулась. Милора едва перевела дух. Забравшись на пригорок под окном, она стала наблюдать за происходящим в доме.

ЛЕДИ ПЛЭМЕРИ

Глава 3

В тот вечер Ромэн долго не мог уснуть, а такого прежде не случалось. Сокол устал за день, и гонять его ночью казалось жестоко. Парень хотел отправиться в путешествие как раньше, в своем облике, но переживал, что один не долетит до мира Аи, не сможет отыскать туда дорогу. Попробовать все равно стоило, но как назло, сон не шел. Его сила, его странный дар работал только после полуночи и исчезал на рассвете: парень догадывался, что именно это время используют все, кто наделен какой-либо магической силой. О природе своих – злые они или добрые – Ромэн никогда не задумывался, он ведь не мог причинить кому-то вред во сне, ровно так же, как и помочь.

До встречи с Аей.

Ромэн извлек из кожаного футляра небольшую лютню, провел тонкими пальцами по гладкому корпусу, задел пару струн... тихая мелодия разлилась по покоям, и песня о ночной тьме, скрывающей нежный облик любимой, сама собой пришла на ум. Парень пел едва ли не до рассвета, охваченный потоком нежных мыслей, которые тут же облек в рифмы.

Королевна села прясть на закате дня, отпустив своих служанок. Луч золотого солнца прощался с землей, окутывая просторы вечерней дымкой. Ая дважды уколола палец острием прялки, дважды уронила моток накрученной нити, дважды вздохнула и начала все сначала. Сгустившиеся сумерки вынудили прекратить работу, которая сегодня явно не клеилась.

Загадочный сокол не прилетел в полдень, а до этого, когда Ая сама его вызвала, передала с птицей лепесток розы. Ни на что не надеясь и никого не ожидая, она еще не верила в возможность оказаться свободной и по-настоящему любимой. Девушка не отрицала, что юноша, упавший буквально с неба, привлекательный, по-особенному наивный, вскоре мог бы стать одним из сильнейших магов, если как следует обучится всему. Только что он увидел в Королевне? Один лишь облик, внешность?

Этого слишком мало для любви.

Еще ребенком, когда она училась с несколькими соседскими детьми «в школе» для богатых господ (отстроенной общими усилиями родителей пяти знатных семей и нанмавших разных учителей по мере взросления своих чад), Ая приглянулась одному учителю.

Большинство уроков стали для нее упоением, она справ-

лялась со всем и выполняла задания идеально, не придираться. На уроке истории она интересовалась досконально всем: от того, что ели далекие предки и до того, каков был стратегический план при осаде крепости. Ей не хватало сведений, после урока Ая могла несколько часов играть в «пройденный материал», воображая себя рыцарем, монахом, слугой или любым персонажем из изученной истории. На уроках ораторского искусства и грамоты она скрипела пером, подробно записывая все мелочи до дыр в листах, затем пробуя на «язык», запоминая огромные тексты.

Становясь старше, девочка тяготела к практическим занятиям и наукам, одних слов оказалось мало: жидкость поступает сюда, и, благодаря нагреванию, получается пар. Она жаждала увидеть это, сделать сама, понять и прочувствовать. Физические законы и принципы, химические реакции, основные свойства, характеристики применяемых трав, отваров – всё интересовало Аю. Её друзья охладели к учебе, едва вступив в подростковый возраст: парнишкам показалось интереснее заниматься боевыми искусствами во дворе и подглядывать за девчонками, а юным барышням – строить мальчишкам мелкие пакости и рыдать в подушку, если объект симпатии посмотрел в другую сторону. Ая держалась чуть обособленно от остальных двенадцати детей, хотя иногда могла побегать и поиграть с ними. К способной ученице никто не цеплялся.

«Слишком серьёзная и умная», – думали о ней.

Родители души не чаяли в девочке, хотя отец появлялся крайне редко и знал свою дочь скорее по рассказам матери: такова работа Придворного советника Короля. Мать гордилась Аей, она не могла и подумать, что единственная дочь будет блистать в науке, не в пример другим мамашам и их дочерям. В высшем обществе с давних времён не менялись устои: если рождается девочка – нужно подготовить её к замужеству и деторождению, остальное не столь важно. Сын может стать кем угодно, лишь бы это возвеличивало семью и род. Семья Аи была редким исключением: они гордились способностями дочери и поощряли её занятия.

Ае исполнилось пятнадцать, когда учитель точных наук, с каждым годом преподавая всё более усложнённые предметы практически для одной девочки, подошёл к матери с необычным предложением:

– Леди Алина, я работаю у вас много лет. Вы и сами видите, что Ая – это уникальный самоцвет, таких других нет на всю страну. Наука – вещь капризная. Можно выучить её и сдать экзамен, но так мало людей, которые способны её понять от и до, вникнуть в суть, докопаться до самых глубинных вопросов... Мало людей, а женский пол, прямо скажем, в полном дефиците...

Леди Алина нервно теребила перчатку, пытаясь понять, о чём хочет сказать странный учитель.

– Вы не догадываетесь, что я хочу предложить?

– Не могу понять, – честно призналась леди, – способно-

сти моей дочери давно уже не секрет, все соседи знают это...

– Извините, но соседи посмеиваются над вами, я знаю, но ещё я прекрасно знаю, что замужество через год-два, как принято, не выход для Аи. Она может и должна быть гораздо больше, чем просто чья-то жена.

Леди Алина прошептала, не поднимая глаз.

– Чем я в её годы... Что Вы хотите, скажите прямо, сэр Элинджер.

– Я могу сделать из неё Великую, Уникальную Женщину! Развить её способности так, что она перестанет быть просто человеком. Это её будущее, предназначение, если хотите. Шанс, выпадающий одному человеку на миллион!

Глаза мужчины горели огнём в прямом смысле этого слова, леди Алина отшатнулась от взволнованного учителя, но не испугалась.

– Вы хотите сделать из моей дочери Колдовку?!

– Зачем так грубо, – чуть поостыл учитель, – я предлагаю ей уникальное будущее, а не прозябание с каким-нибудь толстосумом, за которого вы её вскоре отдадите... Я научу её всему, и она не будет знать горя ни от болезней, ни от бедности, и даже от старости, если постараться. Она будет свободна.

– Для меня важнее всего, чтобы Ая была счастлива. Чем бы она ни занималась. Но просто так я не отдам вам её, как котёнка в мешке.

– Хотите узнать её желания?

– Я ничего не буду говорить ей, слишком рано принимать такие решения. Она ещё ребёнок. Я мечтаю о счастье для неё, но не ценой её души. Не хочу продолжать этот нелепый разговор.

Леди Алина развернулась и пошла прочь, оставив учителя в задумчивости.

* * *

Спустя три дня после разговора с матерью Аи, учитель подошел к девочке на закате, едва закончились уроки. Ая выглядела очаровательно и скромно, переодевшись в приталенное закрытое голубое платье после прогулки на лошадях: учитель с радостью заменял захворавшего берейтора и сам обучал её верховой езде.

Он оглянулся – другие ученики и помощники со слугами разбрелись по домам, оставив их одних на опушке леса, перед воротами замка.

– Ты должна уехать со мной в Академию. Академию Магов.

Девочка непонимающе хлопала прекрасными ресницами. Светлые волосы струились по хрупким плечам, делая её похожей на сказочную фею.

– В Академию? Но...

– Твоя матушка дала согласие, поэтому собирайся скорее. Выезжаем через час.

– Мама ничего не говорила мне, – насупилась девчонка.

– Ну, это сюрприз, поэтому и не говорила. Ты же хочешь стать Великой, не в пример твоим подружкам с «курячьими» мозгами, верно? – Учитель иногда позволял себе вольный говор, особенно это веселило подростков на уроках, когда он отзывался о ком-то из Дворца.

Ая ощущала внутренний страх и неизбежность беды.

– Я пойду, узнаю у мамы, – твердо сказала она. Но учитель улыбнулся.

– Знаешь, я думал, ты обрадуешься. Твоя мама так мечтала о блестящем будущем для тебя.

– Я рада. Наверное. Просто не люблю таких резких сюрпризов, – серьезно ответила она и замерла, прокрутив фразу о матери. Что-то ее смутило, хотя сама не поняла, что именно. Учитель кивнул и поторопил:

– Ну, иди скорей, собирайся и прощайся, скоро в путь.

Ая вошла в покои матери и нашла ту необычайно бледной, лежащей на кровати. Привычные для комнаты многочисленные канделябры с горящими свечами исчезли, осталась всего пара подсвечников с угасающим огнем, отчего на стенах плясали жуткие тени.

– Мама, что с тобой? – Кинулась девочка к ней.

– Все хорошо, милая, я сегодня не очень выгляжу, не пугайся.

– Я позову лекаря, ты слаба!

– Не надо. Не надо, – спокойно ответила она и откинула

одеяло. Её живот был похож на большой мяч, который вот-вот разорвет тесное платье.

– Что... но как... – девочка не верила своим глазам. Она видела свою маму каждый день по нескольку раз, за очень редким исключением, и не могла бы не заметить, что мама носит дитя. И судя по животу – уже давно.

– Я потом все объясню, – слабо улыбнулась она, – никто не знал, милая, я и сама долго не знала. А сейчас тебе лучше уехать с учителем.

– Так это правда? Ты отпускаешь меня в Академию?

Женщина кивнула и как-то странно дернула рукой.

– У меня сейчас будет много забот, а тебе надо много заниматься, чтобы стать Великой... ты уже взрослая, доверяй Учителю...

И снова неестественно дернула рукой. Ая почувствовала растерянность и негодование:

– Но я, может, пока не хочу... я хочу быть дома, с тобой! А кто будет помогать тебе? Отца ведь никогда нет рядом. Я могу поехать потом...

– У меня есть слуги. Ты уедешь сейчас. – Лицо матери скривилось, наполнилось никогда не виданной девочкой злобой и болью. И две руки сдавили ее собственное горло.

Ая испугалась и разозлилась.

– Мама! – Закричала она, не решаясь подходить ближе к кровати. Но вскоре все прошло: мама сидела и улыбалась, как ни в чем не бывало.

– Поезжай, солнышко. Напишешь мне письмо, как доберешься до места.

Девочке показалось, что тень словно отделилась от стены и кивнула ей, на секунду став объемной.

Ая поступала так впервые за свою жизнь. Она развернулась и выскочила из покоев матери в слезах, хлопнув дверью.

Ссора с матерью и срочный отъезд из дома оказались для девочки слишком тяжелым испытанием: в пути она либо молчала, уставившись в окно кареты, либо рыдала в углу, не реагируя на попытки учителя утешить её.

Дорога занимала уже четыре дня, девочка устала от тряски и плохой еды в попадавшихся харчевнях, внутренние переживания вытянули все силы. Она мечтала скорее добраться до Академии, отдохнуть и выспаться в свежей постели. И конечно, она спешила написать матери письмо: за время пути девочка многое осознала, пропустив через себя обиду, гнев, боль, страх, тоску и, наконец, любовь и понимание, смирение и надежду.

В один из дней пути, Ая задала вопросы учителю:

– Скажите, каким образом устроен процесс обучения в Академии? Сколько лет будет длиться все обучение? И можно ли будет приезжать домой на каникулы?

Учитель усмехнулся, но ответил кратко:

– До Академии тебе еще нужно... подрасти.

– То есть мы сейчас едем не в самую Академию, а в школу

при ней, так я понимаю? Честно говоря, я была удивлена, когда Вы с мамой договорились об этом, ведь в Академию берут исключительно после семнадцати лет и, как правило, мальчиков...

Учитель промолчал. Карета внезапно съехала с главной дороги, ведущей в центральный город их Королевства, где как раз находилась магическая Академия.

Чем дальше они уезжали, тем гуще становился лес вдоль дороги, всё реже попадались маленькие деревеньки, всё хуже были постоянные дворы, а люди в них походили на разбойников. Когда солнце начало садиться, девочка подняла занавески и выглянула в темноту: впереди оборвалась последняя тропа, а карета резко встала. Кучер, с которым Ая была не знакома, слез с облучка и странным тоскливым взглядом уставился на Аю в окно кареты. Невольно вздрогнув, девочка посмотрела на учителя. Тот улыбался.

* * *

Хижина выглядела мрачно снаружи, в наступивших сумерках напоминала зловещее, давно заброшенное обиталище чародея. Каким оно и было отчасти. Щёлкнув пальцами, учитель прошептал что-то, и вокруг путников словно обрушилась незримая стена – так исчез защитный купол, оберегающий хозяйский дом от случайных посторонних глаз. Дом

стал меняться на глазах изумлённой и без того напуганной Аи. Покосившиеся стены выравнились, стали кирпичными и покрылись бежевым цветом с затейливыми тёмными узорами; высота дома подскочила до второго этажа, где прорезались окна и небольшой балкон; за дверью что-то клокотало и кипело, словно внутри шли отделочные работы.

Спустя всего пару минут дом затих, присмирел и готов был впустить хозяина и его дорогую гостью. Непроглядный лес, как показалось Ае, будто картинка, сменился просторной опушкой и отодвинулся далеко на задний план, вокруг дома прорисовался витиеватый низкий кованый забор, а возле крыльца появился цветник. Не давая девочке опомниться, учитель вновь щёлкнул пальцами, и карета с кучером исчезли, будто они и вовсе не существовали.

– Это, конечно, не школа и далеко не Академия, – сказал учитель. – Но меня вполне устраивает. Надеюсь, тебя устроит тоже, – и жестом пригласил Аю войти.

Девочка поняла, что обратного пути нет.

Два года он учил её всему, что знал сам, а прилежная ученица делала вид, что забыла о доме, о родных, тем более, она не могла получить ни от кого вестей, как и отправлять «обещанные» письма. Ая поначалу думала, что родители продали её или продали, что означало одно и то же. Затем стала думать, будто это, в общем-то, не так плохо: после обучения девочка планировала вернуться домой и быть единственной в округе доброй чародейкой, помогать людям.

За два года учитель не позволил себе ничего лишнего в отношении девчонки, он берег её, как оказалось, для будущего, которое вскоре наступило: пришло время сочетаться магическим, а значит, нерушимым и вечным браком, как и рассчитывал чародей. Ая не любила его, он был некрасив и стар, как она думала, и относилась к нему как к наставнику, не более. В полночь, в окружении незнакомых старых магов и чародеев в масках, Ая вступила в брак с учителем насильно, против воли. Магия связала их, но, чтобы закрепить этот союз, она должна была понести дитя: могучее, крепкое, наделённое огромной силой.

Долгих два года чародей мечтал об этом, долгих два года сдерживал себя невыносимыми усилиями, ведь никто не смог бы ему помешать накинуться на пленницу хоть бы и в первый день. Только у него, всё же, были свои принципы и планы.

После обряда чародей Тонкс, так его звали, проводил своих гостей и с нетерпением, вожделением приблизился к спальне, где оставил трепещущую от ужаса молодую, свежую, невинную девицу, что стала его женой навеки.

Но Аи не было. Ни в спальне, ни в большом доме, ни в лесу, что окружал, словно забором, их поселение. Она пропала, и никакая магия не могла найти её. Всю ночь, весь день и всю последующую неделю Тонкс искал девчонку. Он поклялся, что если когда-нибудь найдёт её живой, то сотворит страшную месть.

Сбежать девчонке удалось не сразу: Ая знала, на какой день запланирован обряд обручения, и за несколько месяцев начала думать, как этого избежать. Сам обряд не сильно пугал девочку, её страшили именно последствия. Втихую, пока учитель был занят своими делами, она изучала одну книгу под названием «Магия исчезновения». Ая наткнулась на неё давно, случайно, когда ещё только начала «обучение», а чародей тогда рассмеялся и выкинул книгу в окно, заявив: «Это не настоящая магия. Это людские бредни, не знаю, как она попала ко мне».

Ая, спустя время, вновь отыскала книгу и изучила от корки до корки. То, о чём повествовалось в ней, захватило девушку: ведь всё, что описывалось в книге, было доступно любому человеку, стоило лишь тому сосредоточиться и чаще практиковаться.

Несколько месяцев Ая пробовала себя в роли иллюзиониста – так в книге называли фокусников и их искусство лжи и обмана на глазах людей. Особенно ей понравился раздел про «исчезновения», когда на самом деле никто никуда не исчезал.

В ночь обручения, когда расходились гости, Ая, следуя своему плану, спряталась в подпол, где у чародея хранились травяные припасы. Свои следы и запах она заранее, специально задействовав элементарную магию, «разложила» в лесу, точно капканы, – пленница знала, какие поисковые силы будет использовать преследователь. И очень надеялась на

то, что гнев и жажда овладеть девочкой помешают чародею сосредоточиться и подумать головой, не используя никакую магию. И оказалась права. Вспыльчивый и склочный характер был у учителя, за два года жизни она очень хорошо изучила его. Всю неделю Ая слышала злобное бормотание наставника, изрыгающего проклятия, а когда он спускался в подпол – даже его дыхание. Но маскировка и фокус не позволили найти беглянку. А через неделю, окончательно сбрендивший на идее поймать Аю, Тонкс уехал в ближайший городок, чтобы пополнить запасы провизии и расспросить знакомых: не видал ли кто в городе девчонку?

Его не было целый день, и этого вполне хватило, чтобы семнадцатилетняя девушка не спеша собрала нужные вещи и ушла из «дома» за много миль. Примчавшийся чародей едва не лопнул от злости, ведь он вновь почувствовал, что Ая была где-то рядом. На столе лежала записка от нерадивой ученицы: «Я никогда не буду твоей». Тонкс на этот раз не помчался следом. Учитель долго стоял в захламлённой комнате, держа листок в руках. Он теперь ясно понимал, что маленькая чародейка обвела его вокруг пальца, и уже совершенно не важно, как.

Ая долгое время не могла привыкнуть к мысли, что она свободна, независима и одинока, но это было лишь временно. Ведь пленница знала: Тонкс будет искать её всю жизнь.

Девушка очень спешила, она не останавливалась ни на се-

кунду, хотя ужасно устала и проголодалась, но твердила себе: «Задержусь где-то – будет в стократ хуже». Девушка была умной и сообразительной, но всё равно ещё очень юной, и не могла предугадать всего. Чародей никогда не показывал ей по-настоящему чёрную магию, пока не возникало необходимости. Но он знал, как можно её использовать.

Наложив на девочку проклятье «незримости», он и сам отчасти проклял себя остаточной магией: теперь Ая оказалась запертой в неизвестном для всех людей месте – особом мире, хоть и очень напоминающий мир реальный, но ограниченный лишь кусочком пространства. А сам чародей мог жить почти вечно: болезни и года пролетали мимо, покуда магическая сила текла в его жилах.

Но даже теперь чародей не мог найти девицу: он не знал, где искать несуществующий мир, в который поместил её. Спустя время Тонкс ушёл из своего дома, бросив хибару в лесу. Он задумал жениться во второй раз, но не на созданной им же колдунье, а на обычной девке – простой крестьянке, ведь он «застыл» в возрасте сорока пяти лет, а это не так много для мужчины, у которого впереди была целая вечность.

Глава 4

Наедине с ведуном леди Плэмери чувствовала себя крайне некомфортно. То ли смущала жуткая вонь, которая резала глаза, то ли поведение хозяина: он часто прихлёбывал из кружки и пялился на её грудь, которая двумя упругими холмами выпирала из-под узкого наглухо застёгнутого плаща. Леди мельком огляделась. Этого оказалось достаточно, чтобы рассмотреть «убранство» комнаты. Шкура огромного зверя, похожего на медведя, вместо кровати, одна гнилая лавка и гигантский стол у стены – пожалуй, что только он и выглядел более-менее чистым и крепким. Больше ничего: ни печи, ни шкафов. Горшки и банки с непонятным содержимым стояли прямо под ногами; куча старого и грязного тряпья валялась рядом со шкурой.

– Ну, чего надо? – наконец спросил ведун.

– Я... я хотела попросить вашей помощи.

– Чего-чего? Помощи? – Мужик рассмеялся отвратительным кашляющим смехом, от которого мурашки побежали по спине леди Плэмери.

– Я что, похож на того, кто помогает первым встречным?.. И что за баба с тобой пришла?

– Это моя верная служанка, сэр... она никому не скажет об этой встрече, могу поклясться. И простите за назойливый визит, однако я вынуждена просить у вас помощи в одном...

деликатном деле. Это касается магии, я так считаю.

– А мне-то что с этого?

– Я могу заплатить, сэр, хорошо заплатить, – леди Плэмери решила во что бы то ни стало получить то, зачем пришла, – и плевать на поведение этого пьяницы.

– А я, по-твоему, нищий? Не нужны мне никакие деньги, пёс с ними! Ну, зачем пришла, давай говори. – Ведун опустился на пол, кряхтя, и вальяжно разлёгся на шкуре. Гостья, как и прежде, стояла на пороге, не осмеливаясь шагнуть дальше.

Леди Плэмери покорно кивнула и начала сбивчивый рассказ о своём сыне, а когда речь зашла о птице, ведун встретился.

– Сокол, ты сказала – сокол?

– Да сэр, его сокол.

Ведун задумался, почёсывая грязные клочья бороды.

– Ты чего хочешь-то? Чтоб я птицу того, что ли, прибил?

Женщина опустила взгляд, переминаясь с ноги на ногу.

– Я не прошу именно об этом, но если птица связана с магией и дурно влияет на моего сына... Я просто хочу, чтобы птицы рядом не было.

– А я тебе скажу, что твой сын просто нашёл бабу. И уходил ночью к ней. Ласкал её, пока мамочка спит.

Леди Плэмери побледнела и отступила на шаг, упёршись спиной в дверь.

– Я... я всё же прошу, если вы можете, то проверьте эту

чёртову птицу...

– Мне надо хотя бы перо, ну или что есть, чего касался сокол. Я тебе не провидец, мать. И насчёт оплаты.

– Я слушаю.

– Ты.

– Ч-что?

– Ты ляжешь со мной.

Женщина держалась из последних сил. Она сама не понимала, что сейчас следует сделать: убежать прочь без оглядки или заехать кулаком по пропитой роже ведуна.

– Я не понимаю вас.

– А чего тут понимать? Ты хочешь чего-то от меня, а я хочу тебя.

– Вы, должно быть, шутите. Я даю вам два мешка золотых за маленькое дело. Я имела дела с ведунами и примерно представляю, что сколько стоит.

– А я сказал, мне плевать на деньги, а не хочешь – пошла вон, ищи себе другого ведуна.

Леди Плэмери вышла за дверь, и по озадаченному лицу Милоры поняла, что служанка ничего не слышала, хотя ей было очень любопытно и страшно.

– Ну что, голубушка, ну что такое?

– Ничего. Пошли домой.

Прошла долгая ночь, в течение которой Ромэн, как ни пытался, не нашел Королевну. Он путешествовал отрывочно, перескакивал с места на место, постоянно держа в голове образ девушки. Юноша посетил сны знакомых и чужих людей, искал среди воспоминаний хоть малейший намек – все напрасно. Отчаявшись, он вырвался из сна и открыл глаза, невольно застонав.

– Что такое, мой милый?

Ромэн вздрогнул. Около кровати сидела его матушка.

– Мама? Что ты здесь делаешь?

– Охраняю твой сон, милый.

Матушка выглядела задумчивой. Юноша заметил одну странность: едва начинало светать, а матушка уже была при наряде – темно-синее плотное платье, зашнурованное и затянутое, как и вчера, а поверх – дорожный плащ; волосы собраны в прическу – одна лишь прядь выбилась, будто после легкой пробежки. Ромэн знал, как матушка ревностно относилась к облику и одежде, порой доводя служанок до слез излишними придирками. Второй раз она являлась в неподобающее для визитов время, заставляла Ромэна смущаться и нервничать. Но сейчас она и на себя не была похожа.

«Что-то происходит с нею», – думал Ромэн, и догадка, что это происходит из-за него, пугала больше всего. «Она знает

про меня... или про сокола... или про Аю... Нет-нет, не может этого быть, я ведь никому ничего не говорил!».

– Со мной все в порядке, матушка, не стоит беспокоиться, – пробормотал юноша, переворачиваясь на другой бок и делая вид, что собирается снова уснуть.

– Ты такой... нервный последнее время, дорогой, я волнуюсь за тебя. Ты мой единственный сын, ты наш наследник – как же мне не переживать? Я должна знать, я хочу знать, что с тобой...

– Я просто взрослею, мама, – ответил он, – и иногда мне снятся кошмары.

Леди Плэмери немного встrepенулась.

– Кошмары? Расскажи, что тебе снится, может, я смогу помочь?

Ромэн высунулся из-под одеяла.

– Да ничего особенного, матушка, перечитал много книг накануне, вот и снится все подряд... войны, сражения, кровь...

Матушка промолчала.

«Не поверила, – решил сын, – эх, надо придумать что-то получше...».

– А еще иногда снятся драконы, пожирающие друг друга, а вокруг охваченные пламенем дома, и целые города гибнут под натиском сражений этих могущественных существ – они вновь и вновь возрождаются из пепла и губят все живое, пока не уничтожат друг друга...

Эту историю Ромэн действительно прочитал в одной из книг, она называлась «Легенды и сказания прошлого мира». Матушка наверняка знала ее.

– Только это и снится?

– Да, мама, этот сон снится довольно часто, и я просыпаюсь как от кошмара. А еще снятся Рыцари Пути – будто они еще остались на нашей земле и создают новые пути от подводных глубин до самого неба, но во снах это темные тропы, уводящие невинные души во тьму... Думаю, не нужно больше читать такие книги на ночь. Ты больше не волнуйся, со мной все хорошо. Пойди отдохни, милая матушка, ты выглядишь усталой...

Медовый голос сына, казалось, убедил «блюстительницу сна», и она, наклонившись, чтобы поцеловать его в макушку, прошептала:

– Конечно, дорогой, конечно.

Вернувшись в свои покои, леди Плэмери взглянула на храпящего супруга. Старик спал крепко. Самостоятельно сняв наряд, она долго вглядывалась в отражение в зеркале, рассматривая себя в лучах рассвета.

Ромэн сразу вскочил с постели после ухода матери и, наскоро одевшись, побежал в птичник. Нужно срочно предпринимать какие-то решительные действия: нельзя оставлять слишком деятельную матушку наедине со своими догадками, да и так много еще нужно сказать Ае.

Глава 5

Королевна взмахнула рукой, и перед ней возникли старуха и молодая девица.

– Что, дорогие мои, отдохнули немного? Пора за работу.

Служанки поклонились и вышли на улицу. Ая щёлкнула пальцами, и купол защитных чар накрыл дом. Уже пять лет прошло с тех пор, как она сбежала от чародея, но ни на секунду не переставала бояться, что однажды он её отыщет. Как она оказалась здесь и что это за «здесь» – поняла, конечно, не сразу. Поначалу думала, что лес попался какой-то нескончаемый и необитаемый, но живность всё-таки водилась, чему Ая оказалась крайне рада. Дни шли, девушка плутала по бескрайним тропинкам, снова и снова возвращаясь к исходному месту, а поисковая магия не срабатывала. Со временем, обживаясь в заброшенной землянке на одной светлой поляне, Ая поняла, что она здесь единственная из людей. И то, что это каким-то образом проделал Тонкс, стало очевидным.

Девушка недаром была лучшей ученицей: сотворила себе двух служанок из пойманных в силки кроликов. Жаль только, что магия действовала не постоянно, и приходилось отпускать ушастых восвояси. Но время шло, вся лесная живность привыкла к Ае; кролики, как дрессированные, стали приходить в определенное время, она обращала их в служа-

нок на несколько часов, после чего всегда отпускала на волю. С помощью магии превратила свою землянку в прекрасный дом с отделкой, очень напоминающий родной, где жила с родителями. Наряды свои она давно уже перешила и изменила, чудесным образом обновляя их раз за разом. Всю еду, которую удавалось добыть в лесу, Ая превращала в привычные блюда. Первое время «служанки» были действительно служанками, вдвоем они делали огромную ежедневную работу – это стало необходимостью, чтобы выжить в лесу. Затем ей стало невыносимо тоскливо и одиноко, тогда кролики составляли компанию за обедом, вышивкой, чтением книг, конечно же, тоже наколдованных. Все казалось прекрасно на первый взгляд, но кролики оставались кроликами, не умеющими говорить и думать, дом – землянкой, изысканные блюда – ягодами и травами, а Ая – единственной и обреченной Королевой этого мира.

Установленные ею защитные чары действовали, пропуская нейтральную и светлую магию, в чем Ая убедилась три года назад. В её мир вторглась взлохмаченная женщина с метлой в руке и угрозами на устах.

Ошарашено оглядевшись вокруг, женщина не сразу заметила Аю, притаившуюся за высоким кустом.

– Какого лешего я тут делаю? – выругалась она. Животные, спокойно гуляющие по поляне и привыкшие к Королевне, сразу разбежались от незнакомки.

– Эй, есть тут кто? – крикнула она.

Ая не ощущала от гостьи темной силы и вышла из своего укрытия скорее даже из любопытства – так давно она не видела никого из людей! Заметив девушку, женщина сначала кинулась к ней едва ль не с кулаками, потрясая грязной метлой. Ая шагнула в сторону, ближе к дереву, с удивлением рассматривая гостью. Та, стараясь произвести впечатление, резко взмахнула головой, отчего колтун волос на голове пошатнулся кривой башней, и в направлении девушки поднялась сморщенная старушечья рука с метлой, а вторая – гладкая, как у молодки, но с длинными черными ногтями, уперлась в бок. Голос гостьи ломался и временами выходил скрипучим, а иногда – вполне естественным для женщины средних лет.

– Так, ты что это удумала, а? Сорвала меня с места и сюда притащила! Ты кто?

Ая попятилась, уворачиваясь от метлы, на губах девушки играла улыбка. Живой человек! И, похоже, ведьма!

– Ты чего улыбаешься? Зачем меня притащила сюда?

– Так, стойте, никто вас сюда не призывал, – ответила Ая, вытягивая руки вперед, чтобы остановить нападки гостьи.

– Ага, так я тебе и поверила! Сама я, что ли, прилетела ни с того, ни с сего? У меня своих дел хватает!

– Пожалуйста, объясните: вы кто, откуда вы, с кем вы были в последние минуты до отправления сюда?

Ая боялась только одного: не связана ли странная гостья с чародеем Тонксом? А если это не так, то остальное не пред-

ставляло угрозы.

– Нет уж, ты сама говори, кто ты есть. И вообще – где я? В Лембитских лесах, что ли?

Ая отвыкла от своеволия других людей, и машущая руками женщина начинала немного раздражать её, тем более гостя лишь создавала шум, но не говорила ничего дельного. Королевна взмахнула рукавом и прошептала магические слова, отчего ведьма застыла на месте, лишь вращая белками глаз и хватая ртом воздух. Ая сразу смягчила заклинание, позволив обездвиженной незнакомке заговорить.

– Ты что делаешь? – заверещала она. – Ты... ты... ведьма, что ли?

– Не совсем, – спокойно ответила Королевна, усаживаясь на скамейку возле большого дерева. – Я очень хочу познакомиться с вами и понять вас, я уже три года не видела людей, но пока вы не успокоитесь и не сможете контролировать себя – будем общаться только так.

Женщина раздумывала полсекунды.

– Ладно, ладно, обещаю быть смирной... только ты скажи – это правда не твоих рук дело? Не ты меня закинула сюда?

– Нет, уверяю, что не я. Честно говоря, я и сама не знаю, где находится этот мир.

Лицо незнакомки вытянулось, разглаживая многочисленные морщины.

– Как ты сказала? Мир?

– Ну да, это не просто какой-то лес, это другой созданный

мир, состоящий из опушки и леса, хоть и похож на мир реальный. По крайней мере, я так думаю.

От рассказа Аи ведьма притихла. Королевна взмахнула рукой, возвращая госте возможность передвигаться. Без церемоний та плюхнулась на скамейку рядом с девушкой, не выпуская из скрюченных пальцев метлу.

– А ты сама как здесь тогда очутилась?

– Это долгая и грустная история, – тихо вздохнула девушка, разглаживая складки своего лилового платья с открытыми плечами. – Меня поместил сюда один чародей, может даже случайно, как отголосок какого-нибудь заклинания. Если бы он знал, где я – давно пришел бы за мной сам. Поэтому я очень удивилась, обнаружив вас здесь.

Женщина взглянула на Аю оценивающе. Молодая, очень молодая девочка. Но с большой силой и твердым характером.

– Меня зовут Иресса. Я ведьма... почти ведьма из Джосских земель, и сначала я подумала, что очутилась в Лембитских лесах – это на окраине столицы...

– Альмиры?

– Да, именно Альмиры. Ты знаешь эти места?

Ая усмехнулась.

– Я ехала туда в Академию, из своего города Гойвар, когда мне было пятнадцать. А оказалась здесь. Теперь я точно понимаю, как сработало его заклинание... – пробормотала девушка.

– Копия места, где тебя застало заклятье? – уточнила почти ведьма.

Как приятно было поговорить с понимающим человеком! Королевна кивнула и сказала:

– Меня зовут Ая.

Иресса улыбнулась. Теперь, успокоившись, женщина показалась достаточно милой, еще бы причесать волнистые русые волосы и переодеться в новое чистое платье, избавившись от разодранного серого балахона и метлы. Всматриваясь сквозь морок в круглое лицо с зелеными глазами, пухлыми обветренными губами и доброй улыбкой, Ая отметила, что Иресса не очень походила на злую ведьму, которой, возможно, хотела казаться. Невысокая и слегка полноватая, без определенного возраста, она создавала впечатление хорошей верной подруги, которая всегда готова помочь.

– Так значит, вас сюда кто-то отправил, – сделала заключение девушка.

– Но это же ерунда! – Ведьма снова начала махать руками. – Это ж надо знать место, куда отправлять! А по-твоему получается, что никто не знает этого... мира!

– Выходит так, – поморщилась Королевна, боясь получить древком метлы по лбу.

– Погоди-ка, а что за чародей на тебя зуб точит? Может, я его знаю, или хоть слышала? И чего это он разозлился: что же ты натворила? – подмигнула Иресса, усмехнувшись.

– Я сбежала от него после... свадьбы.

– Да ладно!

– Ну не совсем свадьбы, после магического обручения.

Зовут его Тонкс.

Иресса молчала, перебирая в голове знакомых чародеев.

– Ну... что-то не припомню такого имени.

– Он может прикидываться другим, для меня он был Учителем точных наук, сэром Элинджером. С самого детства наблюдал за мной, учил, и однажды – похитил. Учил два года магии, а потом захотел жениться, мерзавец, – с отвращением сказала Ая.

– А твои родные? У тебя жив кто-нибудь?

Ая до сих пор так и не знала, что произошло после её отъезда с матерью, отцом и с их домом. И был ли на самом деле ребенок у матери? Девушка сомневалась в этом и тысячу раз корила себя, что бросила все вот так. И не было возможности узнать, что творится в настоящем мире, ведь за пределы купола магия Аи не выходила.

– Я уже не знаю... – Королевна опустила голову и смахнула слезинку. Ая часто думала обо всем этом: девушка испытывала злость, ярость по отношению к Тонксу, но только сейчас, высказав вслух другому человеку, поняла, что так и не пережила это по-настоящему, и почувствовала, как сильно скучает по родным.

Иресса неловко приобняла девушку.

– Ну... ну чего ты, – пробормотала гостя, – может, все не так плохо?..

Ая лишь пожала плечами. Солнце начинало садиться, на поляну опустилась тень от деревьев. Ветер усиливался, нагоняя облака, отчего красочный закат оказался окутан пеленой. Ая поежилась, обнимая себя за плечи.

— Ладно, хватит хандрить, — бодро сказала Иресса. — Я вот что подумала: если я попала к тебе из нормального мира, значит, вход к тебе есть. А там, где вход — там и выход. Улавливаешь, девочка?

— Я пыталась выйти отсюда — бесполезно, как видите.

— Ну а я, лично, не собираюсь тут торчать у тебя до скончания времен. — Иресса встала и прошлась по поляне.

— Милый домик, — мимоходом бросила женщина.

— Это всего лишь морок, — отозвалась Ая, поднимаясь со скамьи. — Тут все морок. Это позволяет мне не сойти с ума.

— Однако на наведение таких мороков нужно много силы. Не похоже, что ты просто научилась магии, она должна быть у тебя в крови.

— Да нет, это вряд ли. Мои родные — простые люди.

— Откуда тебе знать? Долгое время маги были не в почете и всеми силами скрывали свое умение. Это сейчас колдун или маг вызовет, скорее, интерес и, может, слегка тревогу. Вот хотя бы двадцать лет назад встреча с колдуном — страх, жуть, а если специально с ним ищешь встречи — преступление! Никто не признается, что общался с колдуном, или что у кого-то есть подобная родня. Да любой дар — хитрая штука, передается через одно, а то и два-три поколения, уж это

мне известно.

Ая и Иресса остановились у дверей дома.

– Пойдемте в дом, уже стемнело. У меня, обычно, ужин в это время.

Ведьма и Королевна зашли внутрь, и женщина принялась разглядывать убранство комнат, при этом восхищенно цокая языком: изысканная отделка стен с узорами и барельефами, дорогие портьеры и ткани в интерьере, столы и стулья из благородных пород древесины, мягкие цветные пуфы, кровати с балдахинами, шкафы с зеркальными дверями и яркие картины с пейзажами леса и замков, озер и дорог, и в каждой комнате по камину, а на столике – обязательно вазочка с лесными цветами. Иресса отметила пять комнат, принятых называть покоями, не считая ванную и столовую.

– Срисовала откуда или сама придумала? – Поинтересовалась гостя, возвращаясь на кухню к девушке.

– Это по памяти. Мой родной дом. – Ая промывала в тазу какие-то листы и корни, Иресса наблюдала за ней. – У меня нет настоящей еды, только ягоды, грибы да трава. Очень редко бывает рыба. Я навожу морок.

– Никогда не пробовала еду с мороком на вкус, – призналась незнакомка.

– Вкус держится недолго, – кивнула девушка, выкладывая на неровную самодельную тарелку листья. – Пока ешь – кажется, что это именно тот вкус. Но проходит полчаса, и чувствуешь в животе лишь траву...

– Хороший способ похудеть, – заметила Иресса, и обе усмехнулись.

Пока они уплетали воображаемую форель с печеными овощами, Ая слушала историю Ирессы, и понемногу все вставало на свои места.

Глава 6

Иресса была досадным исключением в своей семье. Семье ведьм и ведьмаков. Пятое поколение их рода представляло собой, собственно, Ирессу и двух её сестер, старшую Агату и младшую Лалиту. У каждой были свои способности: Агата лучше всех управлялась со стихиями, Лалита – со сном, по своему желанию усыпляя или пробуждая людей и существ, а еще способная этим самым сном управлять. И только средняя сестра, Иресса, которая больше всех из семьи хотела иметь силу, не получила ни капли магии. Их матушка, – главная ведьма одной деревни, – никогда не скрывала своей сути, даже во времена гонений. Её уважали за помощь людям и боялись за особый редкий дар – она управляла болезнями. Простые люди пугали своих детей: будешь баловаться, и наведет ведьма на тебя порчу.

По природе своей, матушка Лара была спокойной и мирной, помогала любому человеку избавиться от сложных недугов и не брала взамен ничего. Спустя время, когда у Лары появились дети, люди уже сами приходили и приносили за её работу, кто что мог дать: молоко, мед, овощи, иногда мясо, ткани, одежду, обувь. Своих детей она обучала общим основам ведовства: какие травы для чего, простые заговоры, основы анатомии, какие есть болезни и какие можно исцелить без дара. Как выжить в лесу, как смастерить что угод-

но из дерева и подручных средств. Грамоте и письму обучал отец, ведун без особых способностей, но чуткий и безмерно любящий свою семью.

Когда способности девочек стали проявляться, на исходе восьми лет каждой, родители поняли, что Иресса – не ведьма. Сначала девочке не говорили об этом, продолжая обучать и наставлять. Сестры оказались на удивление добры к ней, жалели и старались подбодрить. Она владела теми же знаниями, что и остальные, но только в теории. На практике же могла испробовать лишь приготовление снадобий, простых и не требующих дополнительных сил. Заговоры тоже давались ей с большим трудом, и если старшая сестра могла заговорить что-то, даже не произнося вслух, то Ирессе требовалось много времени и тщательных «проговариваний».

Повзрослев, сестры должны были разъехаться в разные уголки страны или за её пределы, ведь так велел кодекс Ведьм, чтобы найти и создать собственные ведьмовские угодья. Матушка с отцом доживали свой век в той же деревне, изредка получая весточку от дочерей.

Мучаясь от собственного «магического» бессилья, Иресса решила жить среди людей, обустроилась на ферме богатого купца и работала на совесть, по мере своих сил помогая хозяину легкими заговорами и отгоняя хвори.

Так прошло несколько лет.

Все бы ничего, но недавно в их поселение приехал колдун. И намерения его были совсем иные, чем у Ирессы: он сра-

зу дал понять, что должен стать единственным магом в этих землях, собирался жить в свое удовольствие, а люди нужны ему лишь для выполнения собственных прихотей и нужд, – этакий бездонный мешок радостей. Без церемоний, колдун заявился к купцу, одному из богатейших людей поселения. Требования оказались просты: плати деньги, и я не трону твое хозяйство и семью, а если надо будет – защищу от чужих пришлых колдунов. А если откажешься – извини, друг, изведу тебя за пару месяцев, как пить дать. И за хозяина вступилась Иресса. Не имея практической силы, но зная все о ведовстве, полагаясь на возможности свои и прикидывая возможности соперника, она готова была отразить хотя бы первые «атаки», а в крайнем случае, если б грозила серьезная опасность, задумала призвать сестер для помощи.

Купец удивился: Иресса – ведьма?! Милая симпатичная женщина, быстро нашедшая язык со всеми домашними и нанятыми работягами, усердно трудившаяся, ни разу не была замечена за чем-то «ведовским». Но в ситуации с колдуном такая новость скорее обрадовала: он бросился к ней с мольбами.

– Иресса, я и подумать не мог, что именно ты – наше спасение и надежда!

– Ну что ты, Никол, я еще ничего не сделала, – ответила она, не желая признаваться в истинном положении дел. – Я буду следить, чтобы этот старый гад не натворил чего-то, но думаю, ближайшую неделю нечего бояться: он пока обходит

поселение, выискивает возможных жертв...

При слове «жертва» хозяин побледнел.

– Мать честная, да как же это? Слушай, Иресса, вот тебе мое слово – коль прогонишь нечистого с наших земель – век благодарен буду, хочешь – живи да не работай у меня, отдыхай, я платить тебе и так стану! Только убереги от беды, а после – проси, что хочешь!

Иресса заранее знала, что удачный исход дел зависит, в основном, не от нее – лишь бы сестры успели вовремя. И как бы не проглядеть это самое «время»... Но, будучи далеко не глупой женщиной, она решила действовать наверняка.

– Вот что, Никола, прибереги свои обещания на потом. Я все время скрывала себя, а теперь, чтобы я могла работать в полную силу – извини, но мне придется слегка измениться...

Никола снова побледнел.

– Не пугайся, хозяин, это будет лишь морок – усмехнулась она. – Но на какое-то время облик мой покажется занятным...

* * *

Заклинание на изменение внешности наводилось очень долго и тяжело. Полдня Иресса не показывалась из своей комнатухи. И явление ее жителям фермы не осталось незамеченным: куры, коровы и свиньи шарахнулись в разные сто-

роны, пахари сначала вылупили глаза, а узнав в «этом страшилище» Ирессу, покатались со смеху; кухарка, её подруга, выронила на пол тесто, дети хозяина попрятались под кровати, а Николина жена потеряла дар речи. Сам купец едва сдерживал смех в кулаке.

Вместо привычной, перевязанной лентой русой косы на голове женщины стоял пушистый колтун, простое приталенное платье заменил серый балахон, разорванный специально в нескольких местах, будто его подрали бешеные кошки. В руках – метла, в глазах – огонь, на шее – бусы из куриных костяшек, на поясе – вплетенные в ремень травы, торчащие в разные стороны. Лицо заметно изменилось, будто постарело и посерело, покрылось морщинами, губы застыли, словно в искривленной усмешке, даже голос стал не сразу узнаваем: сквозь скрип и шорох пробивались слова Ирессы.

– Меня зовите Агга, до поры, и не знали вы меня раньше вовсе, а что Иресса была – так она и призвала меня, свою колдунью-мать, а сама ушла отсюда. В окрестных землях все меня знают и боятся, и пришла теперь я на защиту, супротив колдуна. Вот это и расскажите всем, по тавернам и харчевням, по знакомым пройдите. Но чтобы пуще поверили – сами уверуйте.

И новоиспеченная колдунья принялась бормотать заговор, посыпая вокруг себя крошку травы-забвения. Никол уже не смеялся, лицо стало серьезным и задумчивым, ровно как и у всех на ферме. Сама Иресса очень переживала и бо-

ялась, что ее фокус не сработает.

Разбредшись по округе, купец с семьей и нанятые работяги до позднего вечера рассказывали всем встречным о новой колдунье: слушателей оказалось немало. Этого и добивалась Иресса, которая после ухода хозяев рухнула на свою постель без чувств.

И вот прошла неделя.

Колдун достаточно наслушался от селян о новой ведьме, чтобы нанести визит. Вместо приветствия он, настороженно зыркая по сторонам, старался определить – защищен ли дом. Увы, такие заклинания Ирессе не давались. Но видно колдун решил, что в этом есть подвох, ведь опытная ведьма не могла оставить дом без охраны от чужих сил. И Агга сама вышла к нему, предупреждая взмахнув рукой.

– Только попробуй, сквиб, и я испепелю тебя на месте.

Сквиб – обидное слово для колдунов и магов, означающее немощь и фальшь, отсутствие реальной силы и отсыл к изгоям среди магического сообщества. Кто бы говорил, конечно, но ведь здесь никто не знал правду про Ирессу.

– Я пришел поговорить, уважаемая... Агга, кажется?

Иресса опустила руку и кивнула.

– Я выслушаю тебя, так и быть, но после ты уберешься восвояси.

– Я так не думаю, Агга, – усмехнулся колдун и шагнул ближе.

Иресса отступила на шаг и прошипела:

– Не смей приближаться!

С определенного расстояния маги, колдуны и ведьмы способны были распознавать силу друг друга, оценивать её и принимать решения о том, стоит ли вступать в открытый поединок.

– Я ведь не драться пришел, – в полупоклоне прогундел колдун, снимая остроконечную шляпу, обнажая плешивую макушку. На вид он походил на щуплого цыпленка. – Просто поговорить, Агга.

– Я и так все слышу, да и не о чем говорить.

– Как скажешь, можно и так, – согласился колдун. Хитрые глаза его сразу не понравились Ирессе, и кабы знать, какая у него сила, чтобы успеть подготовиться.

– Я лишь предлагаю честную дуэль, ведь, как я понимаю, ни ты, ни я не сдадимся просто так, верно? Это чудесное поселение, очень чудесное. Если победу одержу я, то останусь здесь надолго, а ты уйдешь. Если же наоборот – уйду я, сразу. Честное слово.

Иресса готова была упасть в обморок. Но виду не подала. Рассмеялась скрипучим смехом и ткнула пальцем в сторону дороги:

– Иди, собирай вещи, уважаемый.

– Значит, договорились? – Промурлыкал колдун, почесывая редкую бороду и возвращая шляпу на место.

– У меня сейчас нет времени на игры, много дел, так что приходи через неделю. И не смей пакостничать: я все увижу

и все узнаю, и не потерплю чужих выкрутасов!

Кивнул колдун и ответил:

– Да-да, я понял, до встречи.

И не спеша ушёл.

Ведьма злилась. Неделя. Всего неделя! Даже сестры не успеют приехать, – и на что тогда надеяться? Зачем же язык повернулся назначить такой короткий срок? «Иначе бы он догадался», – тут же ответила себе Иресса. Она не поняла природу сил колдуна, но ощущение мощной магии витало в воздухе, наводя на вопрос: а что, если это не простой ведун-колдун, а маг, чародей? Разница между ними в специальном обучении и доступности любых заклинаний, они расширяли границы основных сил, а еще добавляли новые.

Ирессу успокаивало лишь то, что был бы он Великий Маг – не стал бы обременять себя какими-то дуэлями: легко сделал бы, что хотел, без спроса, либо вообще не проявил бы никакого «низменного» интереса ни к селению, ни к какой-то ведьме.

Два дня Иресса ходила в унынии. Она отправила магический «вызов» сестрам, но те пока не ответили. Хозяин Никола и весь народ фермы так и шарахались от Аггы, по-настоящему боясь, что она сотворит с ними что-то жуткое. На третий день хандра отступила, и Иресса решила пополнить запасы трав и сварить зелья: что угодно, лишь бы потянуть время и не проиграть в первую же минуту дуэли. Четвертый

день она спала: все силы ушли на попытку ворожбы и заговоры на себя и на всех живущих у купца. Пятый день обрадовал – сестра Лалита ответила на зов и пообещала прибыть как раз на исходе седьмого дня. Шестой день близился к началу, и Иресса навела на внешность привычный морок в полной уверенности, что все разрешится благополучно. В начале седьмого дня ответила старшая сестра, Агата, что постарается прибыть через день, что тоже неплохо.

На закате Иресса видела, как колдун ошивается около их поместья, но близко не подходит. Она ожидала сестру, с минуты на минуту, с тревогой поглядывая на закатившееся солнце. Как и что она скажет колдуну (про сестру, в частности) – это нужно было еще придумать, чтобы не показать свою слабость и сделать все по совести.

И именно тогда, когда пришло назначенное время, Ирессу перенесло в иной мир.

Женщина закончила свой рассказ. Прибравшись на кухне, они прошли по покоям и выбрали самую светлую комнату в кремовых тонах с распахнутым окном, в которое проникал свежий вечерний ветер. Иресса расположилась в мягком кресле, а хозяйка присела на край кровати, рядом. Ая думала об этой истории и не могла понять, как же все-таки сработало заклинание.

– Ну, это только твой колдун, больше вариантов нет, – высказала догадки Королевна. – Видимо, он сильнее, чем ты думала. И не зря бродил рядом с поместьем: плел магиче-

скую сеть, наверняка.

– Сильнее, чем я думала? Смеешься? – Иресса стукнула кулаком по подлокотнику. – Как это все не вовремя, я даже не представляю, что сейчас происходит! Приехала ли Лалита с Агатой, поняла ли они, что к чему, и как там бедный Никола: в подполе поди сидят все, не понимая, что творится...

Ая поднялась и прошла мимо ведьмы, к столику, чтобы смахнуть залетевшие с окна листья. Она вздохнула и ответила:

– Кому ты говоришь про «не вовремя», – усмехнулась она. – Разберутся, если сёстры толковые, и без тебя. Считай, что ты проиграла дуэль – колдун устранил тебя без боя, так сказать. Понять бы только, как именно ему это удалось, и обратить всё. И забыть, как страшный сон.

Иресса уставилась на Аю.

– Что ты сейчас сказала? Как сон, говоришь?.. Есть одна мысль, но ты должна мне помочь.

Ведьма придумала элементарную вещь, которая могла сработать. Лалита обладала силой управления сном. Если попытаться во сне достучаться до неё и объяснить, что стряслось? Но выйдет ли это за пределы созданного мира, – вот в чём вопрос.

– Ты должна усыпить меня заклятьем, – решила Иресса. – А потом пробудить.

– Но я ещё никого никогда так не усыпляла.

– А я ещё никогда не пыталась поговорить с сестрой через

сон, — съязвила ведьма. — Давай, попробуй, хуже всё равно не сделаешь.

Ая отправилась на кухню за нужными травами, затем вернулась к Ирессе, которая уже улеглась на кровать.

— Ты бы убрала морок, а то сестра не узнает, — хихикнула Королевна. — Да во сне ещё умертвит, испугавшись. Давай я...

— Некогда, да и сил много отнимает, — призналась гостья.

Проговорив заклинание, Ая натёрла ароматной травой виски своей новоиспеченной подруги, отчего та поморщилась и пошевелилась.

— Тихо ты, первый раз делаю, могу ошибиться, — предупредила она. Взмахнув рукой, Ая ещё раз прошептала нужные слова, и Иресса уснула. Грудь мирно поднималась на вдохе и опускалась на выдохе. Королевна волновалась в предвкушении успеха — если получится вернуться Ирессе, то и она сможет найти лазейку!

Прошло три часа, ведьма спала спокойно. А потом... исчезла. Ая заметалась по комнате: она так просто взяла и исчезла, даже не проснувшись?! Девушка надеялась, очень надеялась, что сейчас, вот прямо в эту минуту появится Иресса и заберёт отсюда Аю или хотя бы что-то объяснит. Но ни через минуту, ни через два часа никто не появился. Могла ли ведьма бросить девушку? Наверное, могла, ведь они знакомы были всего несколько часов, и своих проблем у Ирессы хватало. Или же гостья пыталась вызволить Королевну,

но не получалось. Ая не могла ответить на эти вопросы и, лишившись надежды, долго рыдала в своём запертом мире.

После Ирессы в мире Королевны никого больше не было, пока не влетел сокол. Три года она жила в одиночестве, даже не пытаясь найти выход из-под «купола». Течение времени в её мире отличалось от мира реального – оно летело быстрее, и день с ночью в мире Аи поменялись местами.

Глава 7

Возвращение домой из мира Аи далось «недоведьме» нелегко. Давление подскочило, в висках пульсировало, голова грозилась расколоться на части. Тошнота и слабость сменяли друг друга, вызывая слабость, скручивание желудка и мелкую дрожь во всем теле.

Женщина появилась у дома Николы в весьма необычной позе – на четвереньках. Окинув взглядом окрестности и не увидев никого из знакомых людей, Иресса с некоторой долей облегчения распласталась на земле в полуобмороке.

Очнулась она спустя несколько часов в темном запертом амбаре, на пыльной постилке из рогожки. Руки и ноги были связаны крепким жгутом, переходящим в цепь, что тянулась лишь на полметра до двери. В таком положении оставалось только сидеть, прижав колени к груди.

– Что такое? Что происходит? – возмутилась женщина. На ее голос тотчас отперся замок и вошел хозяин.

– Очнулась, ведьма? – Голос Николы был наполнен отвращением и ядом.

– Ты чего, Никол?

– Молчи, тварь! Нагнала на наше село коровий мор, дрянь.

– Что?..

– Молчи, молчи, пока не всадишь в тебя кол! – Купец был

настроен крайне агрессивнo и серьезно. – Ты должна кровью смыть свои деянья, нечистое отродье!

Мужик подошел ближе, сплюнул на пол и больно ударил женщину по щеке, затем удалился, не забыв запереть пудовый замок.

Иресса непонимающе хлопала глазами, потирая разбухшую щеку. Сколько же ее не было в реальном мире? Что за это время успел натворить колдун? Где же сестры? Её морок, само собой, уже не действует, так почему в ней видят ведьму?

Отчаяние еще не настигло её, и Иресса пыталась спокойно осмыслить происходящее. Коровий мор, значит. Переложить все на «ведьму», которая вовремя исчезла, и, вероятно, внушить простым (для него) заклятьем нужные мысли людям. Браво, старик, браво! Просто и со вкусом. Иресса усмехнулась. Будь она настоящей ведьмой, ни жгуты, ни оковы не спасли бы его от возмездия. Однако это не значит, что колдун до конца понял всю правду про нее.

Размышления заняли остаток вечера, пока вновь не открылся амбар. На этот раз Никола был не один – пятеро дюжих мужиков-работников, которых сама Иресса, порой, излечивала от хвори, пыхтели у него за спиной.

– Взять эту нечисть, – скомандовал он.

Двое мужиков без лишних разговоров потянули женщину за собой с помощью цепи, а остальные окружили её по бокам, нацеливая вилы: на случай, если замыслит читать заклятья.

С этими людьми она работала на ферме, обедала за одним столом, рассказывала байки на вечерней заре и слушала их истории за чаем перед сном. А сейчас они будто не узнали её, подчиняясь купцу.

Иресса была достаточно смышленной женщиной, чтобы понимать невинность бедных людей. Плакать, стонать и умолять казалось бессмысленно – каждый лишний звук только больше раздражал «исполнителей», заставляя причинять дополнительную боль. Она молча шла по холодной земле, мимоходом поглядывая на зевак у ворот их фермы. Казалось, что люди не помнили её или вовсе никогда не знали, хотя морок прежней «ведьмы» давно рассеялся – выходит, колдун постарался на славу. Упрямая злоба и презрение читались в глазах встречных прохожих. Шли до самой площади. Сумерки сгущались, но впереди довольно ярко пылал костер.

* * *

Иресса внезапно рассмеялась с явными истерическими нотками в голосе. Толпа отшатнулась.

– Серьёзно? Костёр, по-вашему, это спасение?! – и снова захохотала.

Это уже слишком. Она не может умереть вот так глупо, по обвинению в «ведьмовстве», к которому всю жизнь стре-

милась, но так и не достигла.

— Руки словно крыла, опусти рукава, платье в пол, не гляди, от беды отведи... — затянула вдруг сухонькая старушонка. Иресса узнала её, конечно, как и всех остальных присутствующих. Матушка Золя, звали её так. Местные считали старушку праведной и мудрой, но вместе с тем поговаривали о небольшом умственном помешательстве.

Работники купца подвели ведьму к столбу и закрепили цепь. Мужики быстро разложили подготовленный хворост, а один из них вытащил небольшое полено из полыхающего рядом костра и бросил на сухой валежник.

Вокруг Ирессы взвились птицы, они носились с криками в ночной тишине; усилился ветер, ясное небо с луной заволокло тучами. Даже погода взялась доиграть нелепую пьесу её жизни. Иресса уже не могла остановиться и потеряла контроль — она хохотала во весь голос, когда жар от пламени начал подбираться к ступням.

— Танец смерти твоей разнесёт суховея! И огонь от костра — избавленья пора, ты пляши, раз жива, ты гори, как трава! — Кричала Золя, и люди подхватывали её песню, покачиваясь вправо-влево, точно исполинские волны.

Пламя жадно цеплялось за ноги. Иресса действительно будто танцевала, пытаясь убраться от огня. Она перестала смеяться и закричала, чувствуя боль от ожогов на ступнях. Толпа не унималась, будто в трансе подпевая:

Вот и вышел твой срок,
Будет ведьме урок:
Ты, огонь, догорай,
Жизнь её забирай,
Тьму из глаз выгоняй
И нас, мирных, спасай!

Внезапный ливень хлынул стеной, разметав толпу и потушив огонь. Столбы дыма, шипя и извиваясь, поднимались вверх серыми змеями. Ведьма осталась жива. Но Никола не собирался отступать: он схватил железный прут у ближайшей кузни и с яростным воплем кинулся на Ирессу.

Женщина зажмурилась. Секунда, две, три – смерть не наступала. Ливень не прекращался. Он падал вниз стрелами настолько плотно, что Иресса, открыв глаза, с трудом различила Николу, лежащего в обнимку с прутом. Он спал, как и другие зеваки, не разбежавшиеся от ливня. Женщина заплакала, повиснув на цепи, стараясь подогнуть обожжённые ноги.

– Лалита, Агата, покажитесь, – проговорила она наконец.

Из-за угла торговой лавки вышли две женщины: высокая статная Агата и хрупкая голубоглазая Лалита.

– Ну здравствуй, сестрёнка, – проворчала старшая, приблизившись, и одним касанием разорвала цепи. – Крепко ты впуталась.

– Бедняжка, я так переживала! – Заворковала Лалита, ко-

торая всегда была чувствительной и ласковой.

Сестры подхватили Ирессу под руки, чтобы обожжённые ноги сестры не касались земли, бережно и осторожно. Пострадавшая больше не могла вымолвить ни слова, погрузившись в беспамятство.

Спрятавшись в заброшенной избушке, сёстры подождали, пока Иресса немного придёт в себя, наскоро подлечили ожоги и все вместе покинули селение до первого луча солнца.

* * *

Оставшиеся на той земле Никола со своими работниками и прочие жители уже спустя час после сонного оцепенения совершенно ничего не помнили. Лалита постаралась, и всё произошедшее показалось им сном, оставив в головах жителей привычный образ жизни, без ведьм и колдунов.

Колдун убрался из деревни ещё накануне, когда «Агга» не явилась на встречу; он воспринял это как личное оскорбление и, не зная всей сути, устроил коровий мор, внушил Николе и ближайшим людям нужную мысль, подставив «ведьму». После этого ушёл в соседнее село и думал вернуться через пару недель. Он, сам того не зная, помог открыть вход в Незримый Проклятый мир, где была Ая. Хотя Колдун собирался всего лишь установить заклятье на территории будущей дуэли. По замыслу, если бы Агга всё же пришла и ударила первой, её отбросило бы и оглушило собственное за-

клятье.

Чуть опоздавшие сёстры, на том же самом месте, на границе наведённого Колдуном заклятья, решили вызвать «сонное» видение – этим иногда пользовалась Лалита, ведь иначе воздействовать на людей она не могла.

Зов через сон вышел немного не таким, как ожидала Иресса: как только Лалита увидела сестру в безобразном виде, то без лишних вопросов просто втянула её «назад», и будь это реальный мир – Иресса проснулась бы в том месте, где уснула. Однако она во плоти вернулась туда, откуда пришла, то есть к дому Николы, а сестра, испугавшись не на шутку, поторопила Агату, и те сразу выдвинулись на помощь.

Спустя день после костра, Иресса поведала родным ведьмам об Ае и странном заклятье, что настигло бедняжку. Агата пожала плечами, мол, никогда не слышала о таком. Лалита грустно сказала, что её дар не способен проникать в чужие миры, а Ирессе просто повезло в тот единственный раз, когда магия сна вступила в контакт с нагромождением других магических «зарядов» и подействовала таким странным образом. Не один день думала женщина о новой подруге, даже отважилась специально уснуть и попробовать во сне приблизиться к девушке под контролем Лалиты. Но ничего не выходило. Тогда Агата, глядя на бесплодные попытки сестёр, изрекла одну простую истину:

– Иресса, это всё глупости. Извини, Лалита, но это так.

Помочь бедняжке можно только одним путём: убить того, кто наложил заклятье. Они ведь связаны крепкими узами, если всё это правда. Мы здесь ничем не поможем.

Глава 8

ЯЧ

Ромэн увидел Аю снова в полдень, но теперь без стеснения и страха подлетел в виде сокола близко, приземлился на скамью рядом с девушкой. На Королевну выжидающе уставились два желтых глаза. Ая без слов обратила юношу, и тут же отвернулась.

– Здравствуй...

– Здравствуй, Ая. Знаешь, я хотел...

– погоди, я принесу тебе одежду.

Облачившись в тот же костюм, что и в прошлый раз, Ромэн продолжил свою речь.

– Я только хотел увидеть тебя. И, прошу, не отправляй меня обратно так внезапно, мой сокол будто с ума сошел в тот раз, я не мог им управлять. Я бы хотел провести с тобой весь день, и этого было бы так мало... Но, боюсь, с рассветом сам испарюсь. Правда, толком не понимаю, как это происходит...

Юноша тараторил, сбивался, но смотрел на девушку и не мог отвести взгляд, он отчаянно хотел взять её за руку, обнять – но пока боялся, сам не зная, чего. Ая слушала гостя, едва заметно улыбаясь. Он был искренен, откровенен, и она нуждалась в нем, как в собеседнике и единственном друге.

Девушка предложила присесть на скамью у раскидистого дерева, где она проводила много времени за чтением и вышивкой, если позволяла погода.

– Ты сильный маг, но тебе нужно множить и укреплять свою силу, познавать её. Кто научил тебя летать в соколе?

– Никто, я сам. Я даже не представляю, откуда во мне эта сила? Мои родные, близкие, все, кого я знаю – обычные люди. А про поколение предков мне мало известно: так уж вышло, что смерть забрала их рано. Мои родители переехали из залива Джордиса, а это земля в другой стране.

Ая задумалась о том, что она и сама мало что знает о своей родне из прошлого, почему-то никто не упоминал о них. И это действительно странно, ведь все знатные семьи обычно кичатся родством с той или иной ветвью известных людей, вывешивая гобелены и портреты в своих замках и торжественно произнося девиз рода на любом значимом празднике. Это присутствовало и у Аи, но в меньшей степени, чем у других. Только ни гобелен, ни портрет все равно не отразят истинную сущность человека.

– Сейчас не у кого спросить, – закончил юноша, – моему отцу уже за семьдесят, и даже он мало что рассказывал о поколениях нашей семьи.

Они сидели на скамье, иногда касаясь друг друга кончиками пальцев, словно бы случайно, вели неспешную беседу, но в сердце Ромэна бушевало волнение, трепет, желание взять её нежные маленькие ручки в свои и больше не отпускать ни на миг. Над поляной нависла туча, прикрыв солнце, отчего сразу стало холоднее, по-осеннему зябко, а на девушке надето лишь тонкое приталенное платье цвета позднего заката. Ромэн захотел обнять её, чтобы согреть, но сдержал себя, лишь придвинулся чуть ближе.

– А это неправильно, – ответила Ая. – Я сейчас тоже жалею, что так мало знаю настоящей истории о своем роде. Мне подкинула мысль одна «ведьма». О том, что простые с виду люди только кажутся простыми, мы ничего не узнаем о них, если они сами того не захотят.

– О чем ты?

Ая рассказала ему о внезапной встрече с Ирессой три года назад. Парень был озадачен. Он не слышал о «сквибах», да и вообще очень слабо разбирался во всем многообразии магического мира и его правилах. Он не мог сдержать вопроса, который мучил его с первых дней, когда ее увидел:

– Ая... почему ты здесь?

Королевна молчала. Довериться ему, что впустить в свое сердце надежду. Для начала. Но она решилась.

Девушка пригласила Ромэна в дом, где угостила чистой родниковой водой. Когда сумерки охватили крепкими объятиями её маленький мирок, она начала свой рассказ. Едва юноша поднимал на Королевну взор или прикасался к тонкой руке, щёки предательски заливались румянцем от смущения и желания. Раньше он не испытывал подобных чувств ни к одной девушке. Но каждое слово истории впечатывалось в сердце юноши и причиняло боль, словно это всё происходило перед его глазами.

– Я убью колдуна, – мрачно сказал Ромэн.

Вскоре сокол вновь забрал его.

Спустя пару ночей, леди Плэмери отправилась к ведуну, на сей раз одна. Старик-муж захворал, и Милора была представлена ему на подмогу. Постучавшись в дверь лачуги, женщина судорожно глотнула ночной воздух.

Ведун открыл быстрее, чем в прошлый раз, и выглядел он совсем иначе: чистая опрятная одежда, выбритое свежее лицо, постриженные волосы, полуулыбка на губах и приятный аромат духов. Леди в первое мгновение подумала, будто обозналась. Не в ту избушку постучала, не в том лесу, не в той стране.

– Доброй ночи, леди, – произнёс он бархатистым голосом. Жестом пригласил войти.

Убранство лачуги также разительно отличалось от позавчерашнего: чистота до блеска, изящная добротная мебель вместо шкуры и тряпья – обстановка ничуть не хуже, чем в доме самой леди. Хотя снаружи оставалась той же убогой избушкой.

– Э... Вы ведь ведун, верно? – Уточнила женщина, с опаской оглядывая просторное помещение. – Я была у вас здесь... ну, то есть, у вас... недавно...

– Я знаю, зачем вы здесь, – ответил галантный мужчина. Леди показалось, что он стал немного выше ростом. Тёмные волосы с несколькими седыми прядями, без проплешин, за-

чёсаны назад, у голубых глаз собрались лучики едва заметных морщинок, синий костюм без лишних деталей и вышивок подчёркивал хорошее телосложение. – В прошлый раз вы застали меня не в лучшем виде – приношу свои извинения. У вас ко мне дело, я помню.

Леди Плэмери выдохнула.

– Понимаете, это действительно очень важно для меня. И вот, – она извлекла из-под плаща мешочек, – здесь украшения, они баснословно дороги, уверяю вас. И я буду рада вручить их вам, если только...

– Нет. Нет. И ещё раз нет.

– Что?

– Я сказал – нет. Мы же ещё позавчера с вами выяснили, что деньги и побрякушки меня не интересуют, разве не так?

Леди Плэмери почувствовала тонкую сеточку страха и мурашек, опутывающую её с головы до ног. Несмотря на внешний вид, сегодня ведун пугал куда больше.

– И мне безразличны, на самом деле, ваши принципы и взгляды. Я готов оказать вам услугу, но так же, как и вы окажете мне.

Женщина попятилась к двери.

– Я не стану спать с вами. Я замужем!

– Я только что сказал, что мне плевать. – Ведун надвигался на неё с ухмылкой. Затем резко остановился и, изменив выражение лица, мечтательно произнёс:

– Хотя... ах, эта женская переменчивость... ну ладно, уго-

ворили, дорогуша. Я окажу вам услугу и не стану требовать «оплату».

Леди Плэмери не поверила своим ушам.

– Вы серьёзно?

– О да, слово джентльмена. Ну так что, вы принесли перо?

Женщина стянула перчатку со своей руки и вытянула оттуда бурое пёрышко.

– Так-так... и что же хотите знать, моя обольстительная гостья?

Леди Плэмери слегка смутилась. Она пришла сегодня лишь потому, что надеялась начать разговор с «чистого листа». Ведун был странным и загадочным. Женщина отметила, что сейчас он походил на учителя, мудрого и благородного. Но вместе с тем она боялась, как бы этот человек снова не обратился в то волосатое существо и не накинулся на неё с самыми неблагопристойными намерениями.

– Я бы хотела узнать, связана ли эта птица с магией? И если да, то какова она, есть ли в ней зло? И как уберечь сына от этого?..

– Ну-ну, не так быстро. Я постараюсь ответить на главный вопрос, он был у вас первым.

Леди Плэмери кивнула. Хотя бы что-то.

Ведун взял с полки пустую чистую высокую склянку, опустил в неё перо и прошептал несколько непонятных слов, взмахнул руками и резко опрокинул склянку на пол, от которой потом остались мелкие осколки.

Перо взвилось под потолок и свободно парило там добрую минуту, словно и не собираясь подчиняться силе притяжения. Затем резко упало на стол, словно кусок железа.

– Что это означает?

Ведун задумчиво посмотрел на перо: оно приобрело оттенок впитавшейся крови. Повертел в руках, а затем коснулся заострённым концом ладони леди Плэмери. Та вздрогнула от неожиданности, и в месте укола разлилось тёмное пятно.

– Да что это значит?! – вскрикнула она, пытаясь стереть с кожи чёрную кляксу.

– Это магия. Но не простая. Не могу пока понять большего. Ясно лишь, что всё связано.

– Что связано, что? – нервно спросила она, пытаясь вытереть руку о плащ. Тёмное пятно стало красным, но на ткани не отпечаталось и следа. А спустя секунду исчезло совсем. Глаза леди Плэмери отказывались верить увиденному.

– Вы связаны, дорогуша. Или он. Или ещё кто-то...

– Кто?

– Кто с кем?

Ведун заложил руки назад и шагал из угла в угол, размышляя вслух и игнорируя вопросы взвинченной женщины. Остановливаясь возле шкафа со склянками, наполненными разноцветными жидкостями, он касался пальцами некоторых из них и снова мерил комнату шагами.

– Связь между вами и сыном, сыном и птицей, и... кем-то ещё. Замешан кто-то. Но не по своей воле... хотя...

Леди Плэмери уже ничего не понимала. Она подошла к лавке и без приглашения села, положив руку на стол, ладонью вверх, будто вновь хотела разглядеть исчезнувшее пятно.

– Но это всё, что можно понять из одного лишь пера.

– Вы можете увидеть больше, если будет...

– Правильно мыслите, душечка. Я многое смогу, будь у меня целая птица.

– Но...

– Но это всё не сразу, драгоценная моя. Я уверен, вы можете принести что-то ещё. Скажем... завтра? По крошечке, по осколочку мы сможем лучше прояснить картину.

– Я могу принести что-то из клетки, думаю. Только теперь, когда стало известно, что здесь замешана магия – не опасно ли всё это?

– Если бы вы боялись опасных последствий, вряд ли я видел бы вас здесь одну, в тёмном лесу, в моем доме, особенно после первого знакомства... не так ли?..

Ведун лукаво усмехнулся, отчего у леди Плэмери мурашки вновь побежали по телу. Условившись вернуться на другую ночь, женщина поспешила уйти, а ведун проводил её задумчивым взглядом.

Ая рассказала Ромэну ещё и часть той полузабытой, даже будто надуманной, как иногда казалось, истории, от которой до сих бросало в дрожь. Она каждый день, после своего проклятого изгнания в иной мир, по крупицам собирала обрывки туманных воспоминаний о первом дне, когда Тонкс привёз её в лес, в свою хижину.

Тогда девочка и вправду могла думать только о том, что учитель – сумасшедший старый колдун, который похитил её с одной целью. Зайдя в дом по вежливому приглашению, Ая молча села на стул у самого входа. О чём был разговор и что происходило в первые минуты – не столь важно. Сейчас Ая не могла вспомнить, но ничего вроде бы страшного, по крайней мере, по ощущениям.

Но в полночь началось жуткое действо. Он опоил её зельем, и она уснула. Проснулась уже в цепях на шее, руках и ногах, лёжа на овальном камне, холодном и шершавом, который, как она помнила, каждую секунду забирал у неё жизнь. Платье оказалось разорвано в нескольких местах и походило на лохмотья. На теле были начерчены неизвестные символы дурно пахнущими чернилами, а несколько знаков на руках и ногах кровоточили – их вырезали прямо на плоти. Кругом царила темень.

Девочка приходила в себя и тут же теряла сознание. Ка-

мень становился холоднее и словно бы острее, причиняя дополнительную боль. Лицо чародея она совсем не видела, не помнила, только чувствовала повсюду запах крови и ядовитых зелий. А ещё его голос, бормотание, повторяющиеся фразы: «Сутки там пробудет – дом родной забудет».

Ая закрывала глаза ладонками в темноте и старалась не дышать. Ещё один момент девочка запомнила, когда совсем ослабела и перестала реагировать на звук, запах и боль: она покинула своё тело и спустя мгновение вернулась в человеческую оболочку уже с новой неизведанной силой.

Тонкс довольно захохотал и, как Создатель, обошёл свое творение кругом.

– Молодец, девочка, – промурлыкал он, – ну ладно, отдыхай. Скоро посмотрим, на что ты сгодишься.

И свет сознания померк. Но последняя пролетающая мысль была тверда, как алмаз:

«Это не мой родной дом».

Чародей провёл обряд по всем правилам. По древнейшим, разгаданным за десять долгих лет, рунам. Все условия выполнены. Предстояло ещё много работы и не один месяц ожидания. Но задуманное стоило того, как убедил себя Тонкс. Тем более, дальше будет легче: девчонка ничего не должна помнить о прошлой жизни, о родных (никаких лишних эмоций, сожалений и чувств) и воспринимать новую жизнь как данность, естественный и единственный возможный вариант. При этом заложенные в человеке знания

и таланты, а также любимые увлечения и характер оставались неизменными и при правильной подготовке лишь развивались и совершенствовались. А частичка вложенных в обряд заклинаний наделяла простого смертного способностью к магии.

Это обещали руны.

Но не всё случилось так: одна маленькая закорючка оказалась ошибкой, досадным промахом, который допустил другой великий чародей, создатель этого сложного, многогранного заклинания, спрятавший его части по свету.

И чародей об этом не знал: Ая помнила всё и всех с самого начала, но долгое время эти знания и воспоминания не вызывали эмоций, пылились на полках сознания подобно ненужным старым книгам. Когда Ая научилась некоторым простым заклинаниям и познала свою силу, прошлая жизнь ворвалась в её разум и потрясла девушку. А потом ей попала на глаза та книга об иллюзионистах...

* * *

Ромэн вернулся в замок лишь перед самым рассветом. Сокол устал, он даже не обратил внимания на еду и моментально уснул, несмотря на гомон других птиц, едва дверь птичника закрылась. Теперь юноша по возвращении был бдителен и осторожен: всегда сам проверял, где птица, всё ли на своих местах и крепки ли замки. Удовлетворенный, он на

цыпочках собрался прошмыгнуть в свои покои, но тень внизу, у окраины дороги, уходящей в лес, изменила его планы.

Замок стоял на высоком холме, и с любой точки было прекрасно видно, что происходит на этом малолюдном пути, ведь он вел в чашу, и добрые люди и купцы обходили это пагубное место стороной. Все приезжие предпочитали другую дорогу, даже соседи, жившие за лесом, пользовались объездной тропой.

Ромэн затаился у колонны открытого коридора. Тень медлила. Густые кроны деревьев в предрассветных лучах слегка скрывали её. Пеший, без поклажи и очевидного оружия, в плаще с капюшоном на голове. Юноша обошел коридор и выглядывал теперь с другого края, но человек исчез. Странно. Нужно быть начеку. Придя в комнату, Ромэн обхватил голову руками и кружил так, будто потерял контроль над собой, затем плюхнулся на кровать и простонал в голос.

Как все запуталось за такое короткое время! Узнавая о жизни Аи новые детали, его не покидало предчувствие близкой беды. Но назад дороги нет, и Ромэн ни за что не поменял бы свой путь, лишь бы избежать проблем.

Короткие встречи до сумерек её мира – это все, что осталось им, если он не научится владеть своей силой.

Из послушного и мечтательного юноши, иногда примеряющего на себя роль менестреля, он должен стать тем, кого хотел бы видеть отец: суровым мужчиной, воином, героем. Вместе с тем, Ромэн задумал не только освободить Аю из ма-

гического купола сотворенного мира, но и наказать её обидчика, мужа-чародея. Как добиться этих целей, юноша пока еще не знал. Да и на пути возникла неожиданная преграда – это заботливая матушка. Не сомневаясь, что делает только благо и желает счастья, она могла нарушить едва установившуюся сказочную связь.

Глава 9

Весь следующий день матушка не отходила от постели супруга – тот слег с лихорадкой и очень медленно приходил в себя. Ромэн тоже просидел у него несколько часов, давая матери отдохнуть.

– Сын, – слабо проговорил отец, повернув седую голову в его сторону. Глубокие карие глаза словно затянула мутная пелена, они уже не блестели как раньше, зрение подводило старика, заставляя прищуриваться. Смуглая кожа песочно-коричневого цвета покрылась пятнами и морщинами, выдавая возраст и частые болезни.

– Да, папа, я здесь.

– Я скоро уйду к предкам, – продолжил он, – я не дурак, понимаю, что конец близок. Послушай. Ты совсем взрослый, ты поймёшь. Но матери не говори, умоляю!

– Я слушаю тебя папа, и можешь ни о чём не волноваться – я никому ничего не скажу, если ты так желаешь.

В просторную спальню вошла служанка, и старик замолчал. Она поклонилась и поставила кувшин с морсом на стол, острым взглядом пробежалась по покоям – везде ли порядок, не нужно ли чего принести или заменить, – вопросительно посмотрела на Ромэна, но тот жестом отпустил встревоженную девушку.

Комната не нуждалась в уборке: леди Плэмери давно уста-

новила чёткие правила для всех слуг, и каждый понимал, что означает «порядок» в понимании хозяйки. А до их с мужем спальных покоев и вовсе оказались допущены лишь две вышколенные служанки, молчаливые и исполнительные.

Отец, покашляв, продолжил:

– Мой дед, твой прадед, был необычным человеком. Он хранил свой секрет до самой кончины, открывшись мне в последний час жизни. Он был... чародеем.

Ромэн похолодел.

– Но никто из родни не знал: он скрывал свою силу, чтобы избежать пересудов и гонений, и я поверил в это. Не могу сказать, что за сила таилась в нем, но истинно верю, что использовал он её с добром...

Старик закашлялся, Ромэн протянул стакан воды. Сделав пару глотков, он продолжил.

– И это значит, мальчик мой, что в нашей крови есть капля магии, хоть и не нашла она выход ни в моем отце, ни во мне... и ни в тебе тоже, верно?

Ромэн промолчал.

– Или ты такой же? – осенило старика. – Но, знаешь, не говори. Никому – ни мне, ни матери – она не вынесет этого. Я никому не говорил про деда, ты – первый. Понимаю, что я не тот, кому ты должен открыться, если есть что открывать, – он подмигнул сыну и похлопал по руке.

Ромэн мысленно, всем сердцем поблагодарил отца за разговор. За минуты они стали ближе друг к другу так, как не

были за всю жизнь. Ему стало невыносимо жаль видеть некогда крепкого и могучего отца совершенно бессильным, лежащим в постели посреди дня, вынужденного глотать целебные настойки и прибегать к помощи слуг, чтобы сесть, опираясь на тяжёлые подушки.

– Ну всё, Ромэн, я чувствую себя разбитым. Пора отдыхать. Надеюсь, ещё проснусь.

– Ещё не твой закат, папа.

В дверях отец окликнул его:

– Ромэн?

– Да?

– Сделай правильный выбор, – и прикрыл глаза, засыпая.

Юноша ощутил жар в теле. Слова отца зацепили душу, будто тот всё понимал без слов. Теперь Ромэн знал, что готов.

* * *

Ночью леди Плэмери вновь оказалась у ведуна. Она захватила с собой кожаную перчатку, на которую садилась птица сына во время прогулки, дрессировки, а иногда даже кормилась на ней. Мешочек с драгоценностями по-прежнему оставался при женщине, на случай, если ведун передумает. Галантный и опрятный, как и вчера, вид колдуна навел женщину на мысль, что будь он в светском обществе, на каком-ни-

будь приёмом, то дамы непременно обращали бы на него внимание.

– Милая моя гостья, когда же я узнаю ваше имя? – Улыбнулся ведун, закрывая за ней дверь.

– Это невозможно, – возмутилась гостья, – я хочу полной анонимности. И как вас зовут – я не знаю и знать не хочу.

– А это не секрет. Меня зовут Тонкс.

Леди Плэмери кивнула, но себя не назвала. Она понимала, что ему ничего не стоит узнать про неё всё, что угодно – на то он и ведун. Однако не собиралась помогать в раскрытии этой тайны.

– Я принесла перчатку, птица сегодня сидела на ней, может память сохранилась, хоть я, конечно, ничего в этом не смыслю, но всё же...

– Вы понимаете достаточно много для обычной леди, – ответил он, принимая перчатку и при этом, словно случайно, коснувшись её руки.

– Да вы проходите, дорогая, проходите, ведь вы – моя гостья. Сегодня это займёт больше времени, и на глазах ничего не стану делать, мне понадобится уединение.

– Как угодно, – покорно ответила леди Плэмери и подошла к бархатным креслам, что стояли теперь вместо вчерашней лавки у стола со скатертью, на котором был накрыт ужин на двоих: запечённая рыба и целая утка с румяной соблазнительной корочкой, а также вино, виноград и сыр.

– Я налью выпить, дорогая.

Леди Плэмери замотала головой.

– Не стоит, я не буду...

– Я не спрашивал согласия.

И ведун налил два полных бокала багряного вина с терпким запахом вишни, разнёсшимся по дому.

– Пейте. Это дурной тон – отказывать хозяину.

Ведун осушил бокал залпом, леди вздохнула и сделала один маленький глоток.

– Прекрасное вино, – неожиданно для себя похвалила она.

– Угощайтесь, – улыбнулся Тонкс и отошел в другую комнату, не забыв взять перчатку. Леди Плэмери удивленно разглядывала несколько дверей, что появились в стенах только сегодня, за которыми, должно быть, прятались находились таинственные покои чародея. Ведь в свой первый визит она увидела лишь одну комнату, из которой и состоял весь дом, точнее, избушка.

Комната, в которой оказался Тонкс, выглядела немного пугающе: тёмные стены и грязный пол без настила, крохотное окно под потолком, несколько сломанных стульев безобразной грудой валялись в углу, остальное небольшое пространство занимали облезлые низкие шкафы, тумбы и полки, покрытые пылью и паутиной, огарками от свечей; узкий стол с кипой пожелтевших листов пергамента и разваливающихся книг располагался напротив входа. Пахло затхлостью и плесенью. Комната казалась забытой, ненужной и не облагороженной, даже недоделанной.

Чародей не обратил внимания на царившую атмосферу и, не зажигая свечей, в темноте, надел перчатку на руку и ощутил силу, бушующую внутри. Она не желала подчиняться и билась, сопротивлялась, а через мгновение одержала верх над чародеем – начала впитывать его силу в себя. Скинув магический предмет, Тонкс был поражён. Он прежде не видел такой мощи, и она оказалась наполовину лишь человеческой – звериная, природная сила клокотала в ней. Подчинить бы себе эту невероятную мощь – вот новая сладкая мечта, но пока это не представлялось возможным. Пока. Чародей смекнул, что сокол и его хозяин – сын аппетитной леди Плэмери – лакомые кусочки, в особенности питомец, который не кажется безобидной заколдованной птичкой. Но ведуна мучило что-то ещё, червячок сомнений извивался в сердце: кто-то третий участвует в этом, вольно или невольно. Настроиться на «волну» птицы оказалось очень сложно – несколько лет без активной магической практики дали о себе знать.

Леди Плэмери уже допила четвёртый бокал и даже не побрезговала скушать две виноградинки – ей стало скучно и любопытно. Затуманенный взгляд женщины то и дело останавливался на приоткрытой дальней комнате, погружённой во мрак и тишину.

Под руками чародея плясали искры, постепенно образовывая магическую сферу. Собрав всю силу своей магии в эту оболочку, колдун на целую минуту превратился в «глаза» сокола и увидел то, что сейчас видел он.

А видел Эрмон приближающийся магический купол, внутри которого светился маленький мирок. Когда сокол подлетел ближе, свод стал прозрачным, пропуская его, затем аккуратно сомкнулся следом. Соколиные глаза увидели необычайной красоты девушку.

Затем связь с птицей угасла, Тонкс свалился на пол, напугав леди Плэмери, которая увидела в дверном проёме его почерневшую руку.

* * *

– Он прилетит, верно? – вслух спросила Ая у проходящего мимо ежа. Тот фыркнул нечто похожее на «ну-ну» и засеменил дальше. Девушка села на любимую скамью. – Хотя какой в этом смысл, всё равно я отсюда никуда не денусь...

Сокол прилетел. Ая уже приготовилась обращать его в человека, но тот вспорхнул и уселся подальше, на куст.

– Не хочешь? – проговорила Королевна. – Но я всё же принесу тебе одежду.

Она ушла в дом, а когда вернулась, перед ней стоял Ромэн в своём любимом тёмно-синем камзоле с вышитой серебряной розой на груди и темных штанах. Он казался еще выше и крепче, чем она запомнила его в прошлый раз.

– Ох, но как ты...

Вместо слов юноша притянул девушку к себе и впился в

её губы долгим поцелуем, сжимая в объятьях. «Нет смысла больше откладывать то, что хотел сделать давным-давно», – подумал Ромэн. Он был опьянён девушкой, чувствовал, что она – сама любовь, прямое её воплощение.

Ая не ожидала такого напора, но поддалась поцелую на одно мгновение. Чуть отстранившись, она коснулась ладонями его груди, почувствовав нежный бархат одежды и частое биение разгорячённого сердца.

– Я не могу без тебя, – прошептал юноша, – не могу ...

– Но я заперта в этом мире, – одними губами прошептала девушка, с грустью склонив голову.

Ромэн посмотрел в её глаза. Он был спокоен и уверен в правильности всех своих действий, не то, что в первые встречи, когда явился перед Королевой совсем застенчивый и растерянный. Как никогда он чувствовал в себе силу, неизведанную магию в самой крови и...

– Мы придумаем, как решить это. Ая, я хочу быть с тобой, чего бы это ни стоило.

Королева очень хотела верить юноше. Сомнения и боль прошлого неотступно преследовали её, но глаза Ромэна и его крепкие объятия твердили – всё правда, счастье возможно, нужно только открыть сердце...

– Но у меня тоже есть некие... трудности. Там, дома, – он махнул рукой, словно показывая направление. – Только не отсылай меня отсюда, хорошо? Нам нужно о многом поговорить сегодня.

– Я не знаю, как действует твоя сила, но думаю, что с рассветом ты всё же должен быть дома. Испытывать силу слишком опасно.

– Но до моего рассвета ещё далеко. Я сам обращаюсь, я научился.

Юноша осторожно освободил её из плена объятий, но тут же взял за руку, не в силах отвести взгляда. Неистовое желание овладело молодым телом. Он снова порывисто коснулся губ девушки, но она чуть отклонилась, улыбнувшись. Румянец смущения появился на миленьком личике. Она пома-нила гостя за дом, где совсем рядом растянулся густой лес. Королевна уводила юношу по тропинке меж крепких исполинских деревьев, смыкающих кроны наподобие арки. Ромэн любовался сочными красками леса – ему казалось, что в этом месте цвета в несколько раз ярче, чем дома. А может, сама Королевна так преображала этот мир? Или только лишь её присутствие? Молодой лорд не искал ответа, он наслаждался видом и предвкушал новые поцелуи и объятия.

Вскоре они остановились на крохотной полянке, в окружении жёлтых и фиолетовых цветов, благоухающих кустов шиповника и дикой малины. На траве распростёрлось синее вышитое покрывало. Девушка присела на край, приглашая гостя присоединиться. Ромэн опустился рядом, с удовольствием вытянул ноги и поскорее взял ладонь возлюбленной в свою.

– Расскажи, что у тебя дома? – Тихо попросила Ая, насла-

ждаясь сладким трепетом от его близости – новыми волнующими ощущениями.

Ромэн рассказал о матушке и упомянул плачевное состояние отца. Ая смогла дать дельные советы. Подозрения матери неизбежны, перемены в поведении сына слишком заметны, поэтому Королевна предложила подыграть: несколько дней лучше не тревожить сокола, «потерять интерес» к нему, сходить на бал, заинтересоваться какой-нибудь дамой для отвода глаз.

– Но мне не нужен никто, – горячо возразил юноша.

– Ты выдашь нас, если не сдержишься, – прошептала Ая, в груди которой зарождалось трепетное хрупкое чувство. – Ты уверен, что никто не знает про твои способности?

– Нет, никто. Я подумал, что раз могу приходить во снах – сумею явиться к твоим родным, только скажи, где и кого искать.

Ая невольно задрожала, в сердце разлилось тепло. Связаться с мамой и папой – похоже на сказку после стольких лет!

– Ты правда сможешь? Я... я и мечтать об этом не могла.

– Я постараюсь. Но если не смогу во снах, то что мне мешает поехать в твой город и поговорить с ними наяву?

Ая едва дышала от нахлынувших чувств, слёзы выступили на глаза, она прижалась к своему спасителю и почувствовала легкость: как непривычно было снять с себя этот груз.

Ромэн улыбнулся и подумал, что делает всё правильно,

как и нарекал отец.

До заката они не могли оторваться друг от друга, смеялись и разговаривали, Ая даже научила его распознавать чужую силу. Мимолётные касания и лёгкие поцелуи передавали лишь малую часть той нежности и чувств, что зародились в молодых сердцах. Опустившаяся ночь, казалось, позволяла чуть больше вольности.

– Я пьян тобой, – прошептал юноша, зарываясь губами в её волосы, – ты чудесная...

Королевна, чуть отстранившись, провела рукой по его щеке. Ромэн тихонько стал напевать песню, что родилась в сердце мгновенно, расправила крылья и вырвалась на волю:

Словно ангельский лик
Предо мною возник.
Я забыл, как дышать,
Научи же опять:
Ко мне крепче прижмись
От тоски отрекись.
Я тебя сберегу.
Под любую стрелу,
Хоть в подземную мглу,
В ледяную пургу
За тобою пойду,
Я смогу...

Девушка улыбнулась, затем вскочила и спряталась за тонкое деревце. Ромэн, засмеявшись, поднялся, устремляясь за возлюбленной, поймал её и обхватил за талию, закружив по поляне. Ая счастливо улыбалась, а он, осторожно опустив на землю, целовал ее шею, открытие плечи, руки... Поцелуи становились более страстными и настойчивыми, рождая тихие вздохи и вскрики, заставляя влюблённых упасть на покрывало. Юноша навис над девушкой: он был прекрасно сложен, со смуглой кожей и рельефными мышцами, высокий, крепкий и сильный, но при этом нежный и осторожный.

Совсем близко закричал сокол.

– Тебе пора, уже полночь, – выдохнула Ая, до конца не понимая внезапных вспыхнувших чувств.

– Я не уйду, нет, – прошептал юноша и вновь приник к губам Королевны, трепетным и горячим.

Сокол крикнул еще раз, настойчивее.

– Ромэн...

В третий раз сокол забрал его. Ая осталась одна с разгорячённым телом и разумом. Она улыбалась как никогда за последние несколько лет. Касалась тонкими длинными пальцами участков тела, где были запечатлены поцелуи юноши. Когда волнение поутихло, Королевна подумала, это даже хорошо, что сегодня не случилась близость: в следующий раз они будут желать друг друга во сто крат сильнее.

– Что с вами? Что произошло? – Лицо леди Плэмери выражало искреннюю тревогу, когда она опустилась на колени подле ведуна. Тонкс пришёл в сознание и, увидев склонённую над ним женщину, рывком повалил её на себя и впился поцелуем в шею.

– Что вы... не надо!

Чародей перевернул гостью на спину и сел сверху, быстро расстёгивая дорожный плащ, скрывающий тёмно-зелёное бархатное платье, так плотно облегающее пышную фигуру.

– Твой сын угодил в очень скверную историю, – прохрипел он, – но помочь ему можно. И ты сделаешь это. Ты все сделаешь ради него. Ты всё сделаешь.

Леди Плэмери была напугана и взволнована, но быстро поняла: она и вправду всё сделает. Даже сейчас женщина оставила попытки отбиться от наглого похотливого ведуна и позволила ему обнажить себя. Внезапное, необъяснимое желание разлилось по телу, добавляя мелкую дрожь. В голове вспыхнула ужасающая дикая мысль: она тоже хотела его. Близости с крепким, здоровым мужчиной у неё не случалось с тех пор, как супругу стукнуло шестьдесят лет, и он как-то сразу заметно «сдал» по мужской части.

Чародей жаждал полностью овладеть ситуацией, особенно сейчас, в эту самую минуту, он получал сразу два удоволь-

ствия: пышную, страшно соскучившуюся по ласке «покорную» женщину и извращённую месть. Он ведь сразу понял, что за девушка скрывалась там, за куполом, и чувство приближающегося возмездия насыщало и злило колдуна одновременно. Ведун представлял, что этот «сынок» делает сейчас с его женой, в меру своих фантазий и помыслов. За долю секунды, до обессиленного обморока, Тонкс придумал план. И истинную цель этого плана не следовало знать матери молодого дурня.

Удовлетворив страсть прямо здесь, на полу мрачной комнаты, леди Плэмери безумно смутилась своей наготы и будто протрезвела. Она вскрикнула, вскочила и поскорее оделась. Тонкс не спешил, его довольное лицо растянулось в ухмылке.

– Не жалея, душенька, о содеянном – это было неизбежно. Женщина пробормотала:

– Это... это случайность, не подумайте, что я...

– Потаскуха? Нет, как можно! Вы милейшее создание, попавшее в руки мерзавца. Так вы думаете, я полагаю?

– Не такой уж вы и мерзавец, – тихо пробормотала гостя, будто сама верила с трудом в эти слова. – Но никто не должен узнать, прошу, умоляю вас, ни одна душа, – в глазах леди Плэмери промелькнуло отчаяние.

– Конечно, – кивнул Тонкс, – иначе эта связь запятнает вашу чистейшую репутацию. А жаль. Так хотелось разболтать всем белкам и зайцам в округе.

Колдун говорил с ядовитым сарказмом, издевался, заставляя гостью чувствовать себя «грязной» с головы до ног. Леди Плэмери едва находила в себе силы и гордость выслушивать подобные рассуждения и находиться в доме этого человека.

– Так что с моим сыном?

– А вот это, голубушка, наша с тобой печаль: ты оказалась права, магия тут замешана, и, причём, тёмная. Сильная, смертельная.

Сердце учащённо забилося в груди леди Плэмери с новой тревогой.

– Что теперь делать? Это проклятье? Что это значит?

– Видать, связался сыночек с ведьмой. Тёмной. Она его заколдовала, дрянь. Надо действовать быстро. Иначе заберёт его сердце и проклянёт весь род. Как пить дать, эта девка всё может...

Он задумчиво почесал аккуратную бороду.

– Девка? Я думала, речь о ведьме.

– Ну, так, ты что, милая, считаешь, что ведьмы – только старухи на метле? Тем-то и опасны молодые, что прикидываются красными девицами, а потом вырывают сердце и сжигают на глазах у жертвы.

Леди Плэмери стало дурно.

– Что можно сделать? И откуда он её взял? Я знаю всех жителей в округе, а на наши званые вечера приезжают только проверенные гости.

– Так это ж ведьма, что ей стоит принять облик соседки?

И это она нашла его, а не он. И птица – её рук дело.

– А что, если птицу... ну...

– Убить? Нет уж, это не поможет. Она возьмёт и мышь заколдует, или собаку. Лучше всего – принести птицу мне, сюда. Будет под наблюдением.

Леди Плэмери замотала головой. Внезапный хищный блеск мелькнул в её глазах – она была готова на всё.

– Нужно действовать, наблюдать уже поздно. Где эта мерзавка?.. Если надо, я сама вырву ей сердце и сожру...

Чародей подошёл к госте и грубо взял за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

– Запомни, милочка: с этой минуты, без моего разрешения ты и пикнуть не смеешь. Это не твоя территория, это магия, опасная, темная. Влезешь туда – и поминай, как звали, вместе с сынком. Так что я сам буду решать, что, когда и как делать. Ясно?

Леди Плэмери кивнула, всхлипнув, ведун отпустил её лицо. На щеках остались отметины.

– А теперь иди домой и думай, как стащить эту проклятую птицу. Сын ничего не должен подозревать. И не вздумай ляпнуть что-то про ведьму или магию – эта чертовка может следить. Придёшь через ночь, расскажешь, что придумала.

Леди Плэмери оставалось лишь согласиться и уйти.

Глава 10

Ромэн выбежал на залитую солнцем террасу и крикнул оттуда родителям: матушка усаживала отца пить чай в открытой беседке.

– Доброе утро!

Родители помахали в ответ. Отец выглядел лучше, правда сам ещё передвигался с трудом, и местный лекарь посоветовал больше бывать на воздухе и делать разминку для суставов. Мать, по обыкновению, придирчиво разглядывала скатерть и посуду на наличие пятен, а накрывавшая на стол служанка стояла поодаль, смиренно дожидаясь вердикта хозяйки. Кивнув и отставив в сторону сверкающую фарфоровую чашку, леди Плэмери улыбнулась, поправляя и без того идеально отутюженные манжеты на алом платье. Лорд Кордис, наблюдавший за ней, снисходительно усмехнулся – чистюля до кончиков ногтей, ухоженная и всё ещё яркая, красивая утончённая женщина с густыми тёмными волосами, забранными наверх, с бархатной кожей цвета тёплого сливочного шоколада и яркими большими зелёными глазами в обрамлении пушистых ресниц. Мелкие морщинки у глаз лишь подчеркивали её благородство и статус.

Ромэн нарядился в парадный костюм, на губах играла задорная улыбка, он сам казался солнцем в это погожее утро.

– Доброе утро, папа, мама, – он подошёл к ним и расце-

ловал.

– Как спалось, милый? Я вижу, ты в отличном настроении?

– Да, всё прекрасно. И знаете, я вот что подумал: поскольку папе уже гораздо лучше, а не устроить ли нам шикарный бал?! Созовем всех в округе, да что там – со всех королевств мира! Будут танцы, песни, пригласим артистов, менестрелей, организуем пир, каких свет не видывал, повеселимся?..

И рассмеялся, глядя на озадаченные лица матушки и отца.

– Ты уверен, сынок?

– Да ладно вам, я ведь шучу, – и вновь закатился от дикого смеха. Отец чуть улыбнулся, матушка же выглядела напряжённой: по её виду можно было бы предположить, что сын говорит о трауре, а не о весёлом празднике.

– Откуда такая тяга к балам, ты ведь последнее время их избегаешь?

– Я?! Избегаю? Да это гости скучные попались в прошлый раз. И дочери у них страшные, – он скривил лицо, отчего лорд Кордис не сдержался и тоже захохотал. Только матушка с тревогой смотрела на это паясничество.

– Ну хватит, Ромэн, ты проявляешь неуважение. И ты ведь знаешь, что мы не настолько богаты, чтобы закатывать такой бал на ровном месте. Если найдётся серьёзный повод...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.